

Владимир Войнович

ДВА ТОВАРИЩА

Владимир Николаевич Войнович

Два товарища (сборник)

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163919
Два товарища: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-20039-8*

Аннотация

В сборник вошли самые любимые, самые известные рассказы и повести В.Войновича:

Повести

- Мы здесь живем
- Два товарища
- Путем взаимной переписки

Рассказы

- Хочу быть честным
- Расстояние в полкилометра
- Шапка

Содержание

Мы здесь живем	5
1	6
2	9
3	11
4	13
5	16
6	18
7	22
8	25
9	28
10	30
11	31
12	33
13	35
14	38
15	39
16	40
17	42
18	43
19	45
20	47
21	48
22	49
23	50
24	52
25	54
26	55
27	57
28	60
29	61
30	63
31	64
32	65
33	67
34	69
Хочу быть честным	70
1	70
2	72
3	73
4	75
5	76
6	78
7	79
8	82
9	84
10	85

11	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Владимир Войнович

Два товарища (сборник)

Мы здесь живем

Было раннее утро, и трава, облитая обильной росой, казалась черной. Слабый ветер шевелил над Ишимом тяжелые клубы тумана.

Ваня-дурачок гнал через мост колхозное стадо и пел песенку. Губы у Ивана толстые, раздвигаются с трудом, поэтому в песенке нельзя было понять ни одного слова.

Я ехал на своем самосвале и уже собирался въехать на мост, но увидел на нем теленка. Задняя нога его застряла меж двух бревен, теленок лежит на брюхе, мычит, на том его борьба за жизнь и кончается. Я остановил машину и помог потерпевшему.

– Ну что ж ты, – сказал я Ивану, – губы-то распустил? Видишь, теленок провалился! Так ему и ногу недолго сломать.

– Пускай ломает, – дурачок беспечно махнул рукой. – Прирежем... Хлопцам на стане три дня мяса не давали. А меня не дразни. Гошке скажу.

И пошел, волоча по траве свой длинный бич, который здорово щелкает в умелых руках.

Я медленно въехал на мост и забуксовал как раз на том месте, где провалился теленок. Я давил на газ, колеса крутились, еще больше раздвигая бревна, но машина не двигалась с места. Увидев это, Иван вернулся.

– Ну что? – спросил он, подходя, и хлопнул бичом.

– «Что, что», – передразнил я его. – Видишь, забуксовал.

– Ну давай тогда тебя прирежем. На шашлык.

– Брось ты эти шутки, – сказал я ему. – Ты лучше возьми мою телогрейку, вот так сложи вдвое, чтоб изнутри не запачкалась, и подложи под колесо.

Я благополучно переехал через мост и остановился. Иван подал мне мою телогрейку. Она была совсем чистая, а у него на правом боку через рукав шел грязный рубчатый след от ската.

– Ты сам, что ли, ложился под колесо? – спросил я.

– Нет, свою телогрейку подложил, а то твоя новая – жалко.

Выехав на грунтовую дорогу, ведущую на Кадыр, я в третий раз остановил машину и подошел к желтому дорожному щиту, на котором прямыми крупными буквами было написано только одно слово:

«ПОПОВКА».

Много людей ездит мимо этого щита и видит то, что на нем написано. Но разве запомнишь название каждой деревни?

А я здесь часто бывал. Знал Гошку, знал и других.

Вот об этих людях я и написал свою повесть.

1

Кусты ивняка стояли над суженным руслом Ишима. Санька и Лизка нагрузили глиной высокий самосвал Павла Спиридонова, прозванного Павло-баптист, и Павло, надвинув кожаную фуражку по самые уши, уехал. Подруги, бросив лопаты, легли отдохнуть. Лизка сняла с себя выгоревшую кофточку, и тень от листьев пятнами упала на ее загорелую спину.

– Не умеешь ты, Санька, работать, – сказала Лизка. – Лопату криво держишь, и все у тебя высыпается.

В кустах жужжали шмели и трещали кузнечики. Наискосок через небо почти невидимый самолет тянул извилистый волокнистый след. Лизка перевернулась на спину и посмотрела на небо.

– Смотри, самолет летит и дым пускает. Как все равно облако, – сказала она.

– А это облако и есть. Самолет сам его делает.

– Как это он делает? – недоверчиво спросила Лизка.

– Не знаю как, а знаю, что делает. Инверсией это называется.

– Ишь ты – инверсия, – почтительно повторила Лизка незнакомое слово. – Инверсия.

А ты откуда знаешь?

– Так, знаю. Летчик один знакомый рассказывал.

– Летчик? У тебя есть знакомые летчики?

– Были.

Лизка немного помолчала, потом пошутила:

– Вот видишь, жила ты в городе, летчиков знакомых имела. А то ведь в Поповке их нету. Здесь какой ни то комбайнер, и тот уже нос дерет – не подступишься. Поживешь-поживешь да и выйдешь за Ивана-дурачка.

Санька, ничего не ответив, лежала, смотрела на небо и старалась ни о чем не думать. Ни вставать, ни тем более работать не хотелось.

– Слушала я вчера, как ты пела в клубе, – сказала Лизка. – Хорошо у тебя получается. Прямо как у артистки. «Парней так много холостых...» – начала было Лизка, но одумалась. – Это ты тоже в своем городе научилась?

– Тоже.

– Все в городе, – вздохнула Лизка. – Летчики в городе, артисты в городе. А у нас... – Лизка поднялась на локте и посмотрела на дорогу. – Ой, никак Гошка едет! – сказала она радостно.

– Гошка?

– Ага, – Лизка торопливо застегивала кофточку.

– Ну что, мне опять идти цветочки собирать? – Санька поднялась и вытянула в стороны онемевшие руки.

– Сходи, Саня, – попросила Лизка. – Последний раз сходи. Сегодня что ни то да будет. Сегодня я у него добыю ответ.

– Что ж делать, – сказала Санька и пошла, раздвигая кусты, к Ишиму.

Гошка затормозил у самого обрыва и стал медленно подавать машину назад.

– Ну что, работать будем? – спросил он, стоя на подножке и глядя на Лизку через кузов.

– Будем, – сказала Лизка, – немного погода.

– Погода некогда, Лиза, там строители ругаются.

– Поругаются на пять минут больше. Санька уморилась, пошла умыться.

Гошка был в майке. Солдатская гимнастерка, придавленная учебником литературы, лежала рядом на сиденье. Лизка, влезая в кабину, отодвинула все это в сторону и сказала:

– Ты чего это костяной подворотничок носишь? От него шея портится. Надо тряпочный носить...

– Стирать его да подшивать, – сказал Гошка. – Некогда.

– Хорошо женатому, – вздохнула Лизка сочувствующе. – Жена и подошьет, и постирает, и вон дырку на рукаве залатала бы.

– Чего там латать? Выбрасывать пора.

– Чего ж не выбросишь? – насмешливо покосилась Лизка.

– А вот до плеча разорвется – выброшу.

Замолчали. Гошке хотелось спать, глаза слипались – не до разговоров. Сегодня в шесть утра он приехал из Актабара, а в восемь прискакал на лошади бригадир Сорока, заставил ехать за глиной. Лизка взяла в руки учебник, развернула посередине, долго смотрела, не читая, и снова положила на место.

– Учишься?

– А? – Гошка с трудом разомкнул веки.

– Учишься, говорю?

– Учусь.

– И долго тебе еще учиться?

– Не знаю, Лиза. Вот экзамен сдам, а там видно будет.

– В техникум пойдешь?

– Не знаю.

– Я летошний год тоже училась, – помолчав, сказала Лизка. – На кройки и шитья. Экзамены тоже сдавала. У меня и диплом есть.

Гошка не ответил.

– Я и вышивать умею. Что гладью, что крестом... Вот Мишка-тракторист увидел мои вышивки. «Кабы я не был женат, говорит, Лизка, на тебе б женился. А то, говорит, у меня не жена, а одно название. Так только, сготовить чего или постирать, а чего ни то сшить или вышить не может. Вот, говорит, коврик на стенку или подзор на кровать – все, говорит, купленное, за все денежки плачены». Ты б себе какую жену взял, а?

– Не знаю, Лиза. Какая попадется, – устало пошутил Гошка.

– Небось тоже хочешь покрасивше да ученую, – грустно сказала Лизка. – Вон как у Васьки. Ученая, учительшей работает, а некультурная. Придет с работы: «Я, говорит, устала, ты, говорит, должен за мной ухаживать». А чего она там устала? Чай, не кирпичи таскает. А когда Васька на курсы ездил, письмо ей пришлет, а она красный карандашик в руки, ошибки отметит и назад посылает.

Гошка открыл дверцу:

– Пойдем, Лиза, пока вдвоем поработаем.

– Еще посидим, – нерешительно попросила Лизка.

– Нет, нет. Некогда. Там строители небось рвут и мечут.

Он вытащил из-за кабины лопату с короткой кривой ручкой и пошел к заднему борту. Лизка неохотно пошла следом.

– Гоша, а ты вчера на собрании был? – спросила она, становясь рядом.

– Нет, я в Актабар ездил.

Лизка оперлась на лопату и сказала, как о большом секрете:

– Председатель выступал. Пятница. Говорил: «Как построим дома, женатым по полдома дадим, а у кого двое детей, так тому, говорит, и по целному».

– Ладно, Лиза. Это нас с тобой не касается.

«Как бы ты схотел, так касалось бы», – печально подумала Лизка и со вздохом швырнула в кузов первую лопату. Работали молча. Подошла Санька, встала рядом с Лизкой и посмотрела ей в глаза. Лизка отвернулась, и Санька все поняла.

– Ну что? – спросила она, когда Гошка уехал. – Опять ничего не вышло?

– Нет, – Лизка отшвырнула лопату. – Не вышло.

– Ну а что ты ему говорила? Опять на полдома намекала?

– Намекала, – призналась Лизка.

– Ах, Лизка, Лизка! Кто ж так делает? Разве такого парня заманишь этим?

– А чем же его замануть?

– Не знаю, – вздохнула Санька. – А если б знала, так не сказала бы.

– Это почему?

– Самой пригодилось бы, – тихо сказала Санька.

Лиза испуганно посмотрела в глаза подруге.

Санька отвернулась. Она долго смотрела в сторону Поповки, туда, где скрылась Гошкина машина, и не сразу слышала тихие всхлипывания.

– Ты что, Лизка? – кинулась она к подруге.

Лизка уткнулась мокрым лицом в траву и ничего не ответила. Санька легла рядом.

– Ну что ты, Лиза? У меня ведь тоже ничего не получается. Ты хоть ему говоришь. А я и этого не умею.

Лизка села, утерлась подолом и, все еще всхлипывая, улыбнулась широкой улыбкой:

– Помнишь, Саня, я тебе рассказывала, сколько у меня парней было? Так все это неправда. Только один парнишка был, Аркашка Марочкин, Тихоновны сын. Билеты в кино покупал. А потом на службу ушел. Так с тех пор никого и не было.

Лиза замолчала и, сорвав желтый цветок одуванчика, стала рассеянно обрывать мягкие лепестки.

– Ну и что, ты уже забыла Аркашу? – тихо спросила Санька.

– Я-то не забыла, он забыл. Как первый месяц служил, одно письмо прислал – и все. Я ему еще штук шесть посылала, а от него ни ответа, ни привета. Да чего говорить! Им, мужикам, лишь бы обмануть, а наш брат – баба – всегда страдает.

– А может, у него времени нет письма писать? Может, с ним что случилось?

– Нет, – сказала Лизка и молоком, выступившим на обрыве стебелька, стала писать на руке слово «Аркадий». – Матери-то он пишет. Вчера иду мимо, а Тихоновна: «Зайди, говорит, на момент. Чего покажу». Фотокарточки показывала. Аркашка прислал. На танке сфотографированный, на котором ездит.

2

В этом году колхоз заложил двадцать два дома для переселенцев и молодоженов. На стенах некоторых домов уже лежали пожелтевшие от солнца стропила, для других домов еще только заложили фундамент.

На строительной площадке никто не работал. Возле четвертого справа дома стояла голубая «Волга» председателя колхоза Петра Ермолаевича Пятницы. Восемнадцать строителей (в Поповке их называли «шабашники») окружили председателя и слушали своего бригадира Потапова, высокого и худого мужика с усиками.

Гошка поставил машину возле растворного корыта и крикнул строителям, чтобы шли разгружать. Никто не отозвался. Только рыжий и рыхлый, похожий на женщину каменщик Валентин, не оборачиваясь, махнул рукой – подождешь. Гошке тоже нужен был председатель, и он вылез из кабины.

Полукруглая желтая тень от широкополой соломенной шляпы падала на лицо председателя. На парусиновом пиджаке темнел потускневший и облупившийся за долгие годы орден Красного Знамени. Этот орден эскадронному командиру Пятнице вручил в 1921 году Буденный.

Председатель колхоза Пятница, прикрывая время от времени старческие веки, слушал бригадира Потапова. Голос у Потапова был глухой и ровный.

– Наше условие, Ермолаевич, простое, – говорил он. – Сто рублей в день на рыло – или порвем договор. Нам работа везде найдется.

– Не смею задерживать, – сказал председатель.

– Ты это, Ермолаевич, брось. Мы с тобой обое старые и лысые, и притворяться нам нечего. Тебе нужны дома, нам – деньги, друг без дружки нам не обойтись.

– Попался б ты мне лет сорок назад, Потапов, – задумчиво сказал председатель, – развалил бы я тебя шашкой на две половинки.

– Не развалил бы. Я костистый. Ты лучше скажи, будем перезаключать договор или ругаться будем?

– Ладно, отстань, – сказал Пятница. – Скажи лучше своим, пусть работают, а то за такую работу я вам и по десятке не заплачу. А насчет нашего разговора подумаю.

– А когда ответ дашь?

– Завтра.

Строители не спеша разбрелись по своим местам.

Двое с лопатами через плечо пошли разгружать Гошкину машину. Петр Ермолаевич повернулся к Гошке:

– Ну, как дела, Яровой? Что это ты такой сонный ходишь?

– А чего ж мне не сонным ходить? – сказал Гошка. – Два часа всего спал.

– Тяжело, – согласился председатель. – Всем сейчас тяжело. Время такое. Зато осенью премии будем давать – тебе первому.

– Вы бы мне лучше отпуск дали.

– Зачем тебе отпуск?

– А вот, – Гошка вынул из кармана сложенную вчетверо бумажку.

В этой бумажке было написано, что выпускник десятого класса районной заочной школы Яровой Г. И. имеет право на отпуск за счет государства на время выпускных экзаменов.

Председатель перечитал бумажку два раза.

– Не могу, – сказал он, возвращая бумажку.

– Как это вы не можете? – возмутился Гошка. – Мне по закону положено.

– Какой тут, милая моя, закон, – вздохнул председатель. – Мне вот каждый день звонят из района: «Почему задерживаешь строительство? Почему опаздываешь с посевной?» А я что им скажу? Скажу, что я всех шоферов в отпуск отправил? Так, по-твоему?

– Но мне же...

– Что – тебе же? Экзамены надо сдавать? Знаю. А как на войне? Я в Отечественной, конечно, не участвовал, а вот в Гражданскую у нас знаешь как было?

– Знаю, – сказал Гошка, – вы по трое суток с коней не слезали.

– Откуда ты знаешь? – удивился председатель.

– Это вы мне десять раз рассказывали. – Гошка огорченно махнул рукой и пошел к своему «ЗИЛу».

3

Возле облитой маслом кирпичной стенки стояли машины. Из-под крайнего слева самосвала торчали ноги в легких парусиновых сапогах.

– Толька, убери ноги! Оттопчу! – крикнул Гошка, ставя машину к стене.

Из-под машины с тавотницей в руках вылез лохматый шофер в синем комбинезоне. Из бокового кармана достал измятую пачку «Беломора».

– Дай прикурить, – сказал он.

Гошка приехал в Поповку два года назад, после демобилизации. Анатолий приехал в пятьдесят четвертом году, после десятилетки: он считался среди новоселов почти старожилом. Гошка и Анатолий были друзьями, но в последнее время встречались редко.

– Пойдем, что ли? – спросил Гошка, закрывая машину.

– Пойдем.

По дороге домой Гошка рассказал Анатолию о своем разговоре с председателем.

– Какой ты дурак, – разозлился Анатолий. – На тебе скоро воду будут возить. Подумаешь, у него шоферов нет! А тебе какое дело? Тебе государство отпуск дает. А оно больше знает, нужен ты или не нужен. Ты же завалишь экзамены.

– Не завалю.

– А я тебе говорю – завалишь. С таким дураком даже разговаривать не хочется. Отойди от меня. Вот так.

Некоторое время они шли молча. Гошка долго сдерживался и наконец хмыкнул в кулак.

Анатолий тоже засмеялся.

– Когда у тебя сочинение? – спросил он, перестав смеяться.

– Через три дня.

– А шпаргалки у тебя есть?

– Нет. Я думаю без шпаргалок.

– Чудак ты, Гошка. Кто же сочинения без шпаргалок пишет? Ты когда-нибудь такого видал?

– Нет, – сказал Гошка.

– Я тоже.

– Ну а первый все-таки кто-то писал сочинения сам?

– Первый! А кто был первый человек на земле, ты знаешь? Адам! Вот, может, он первый и писал сочинения, а все, кто потом жил, сдували. И ты сдувай. Это надежней. Так все делают. А насчет устного экзамена я тебе вот что скажу. Самое главное – это уметь отличать положительного героя от отрицательного.

– А как же их отличать?

– Это очень просто. Вот ты, например, отрицательный. Ты, правда, не пьешь, не ворует, не делаешь фальшивые деньги, но дураки – они тоже отрицательные.

– А ты положительный?

– Я положительный.

– Из чего это видно?

– А вот считай! – Анатолий стал загибать пальцы. – Комсомолец не хуже тебя. После окончания средней школы откликнулся на призыв. Добровольно поехал осваивать целинные земли. Имею Почетную грамоту и медаль за освоение. Ну что? Съел?

– Ну а еще что?

– Куда больше? Хватит.

– А вот Яковлевна говорит, что ты, когда в хатуходишь, ноги не вытираешь.

– Насчет ног – это верно, – признался Анатолий, – но зато... зато я приехал сюда после десятилетки. У меня не было жизненного опыта. Я уже шесть лет на целине.

– Много, – сказал Гошка. – А Яковлевна вон шестьдесят лет живет на целине – и ни одной медали. И вообще, – Гошка, сам не замечая, перешел на серьезный тон, – вот сейчас все говорят о десятиклассниках: им семнадцать лет, у них нет опыта, у них трудности. А когда я начинал работать, мне было двенадцать лет. У меня не было ни опыта, ни десяти классов. Почему же обо мне тогда ничего не говорили?

– Наверное, такое время было, – тоже переходя на серьезный тон, сказал Анатолий. – Не до тебя было.

– И тогда было не до меня, и сейчас не до меня.

– Да, – сказал Анатолий неопределенно и махнул рукой. – Ну, мне сюда. Пока.

4

В день экзамена Гошку все-таки освободили от работы. До города по грейдеру было двадцать два километра. Гошка долго ждал попутной машины, в школу приехал за пятнадцать минут до начала. Все заочники уже собрались. Они сидели на скамейках, на крыльце, просто на траве перед школой. Одни лихорадочно листали учебники, другие сортировали шпаргалки, третьи ожидали своей участи пассивно. Сутуловатый парень с пышной прической и металлическими зубами тасовал в руках пачку фотографий-шпаргалок.

– Навались, подешевело! Полный комплект сочинений за один червонец.

Парень был местным фотографом. Сегодня его продукция пользовалась небывалым спросом. Гошка тоже решил запастись новинками фотоискусства. На всякий случай. Он вынул деньги.

– Дай.

– Все, – сказал фотограф, – пива нет, ресторан закрыт. Осталась одна пачка – самому пригодится. Я тоже сдаю.

Вышел толстый учитель в чесучовом пиджаке и неожиданно тонким голосом сказал:

– Заходите.

Все пошли. В коридоре фотограф догнал Гошку и тронул его за рукав:

– Четвертной дашь?

Раздумывать было некогда, Гошка сунул ему двадцатипятирублевку. Рассаживались долго. Взрослые люди с трудом помещались за детскими партами. Гошка сел за третью парту. Фотограф сел рядом.

– Вдруг чего, дашь мне сочинение, – сказал он.

Гошка не ответил. Ученики замороженными глазами следили за учителем, пухлые пальцы которого слишком медленно разрывали пакет. Но вот он написал на доске первую тему, и Гошка облегченно вздохнул. «Молодая гвардия». Эту книгу Гошка знал хорошо.

Всего было четыре темы. Фотограф долго думал, на какой из них остановиться, и не остановился ни на одной.

– Слышь, дай мне Тургенева, – шепнул он Гошке.

– Полсотни, – сказал Гошка.

– Я ж тебе за двадцать пять.

– Подорожали.

Фотограф помолчал, подумал, но пятьдесят рублей пожалел. Он заглянул в Гошкину тетрадь.

– За два одинаковых сочинения оба автора получают по двойке, – глядя в потолок, сказал всевидящий учитель.

Гошка отодвинулся. Фотограф почесал в затылке и – делать нечего – взялся за сочинение. Некоторое время молча скрипел пером, потом ткнул Гошку в бок:

– Слышь, как пишется «патриот» – через два «т»?

– Пять рублей, – предложил Гошка.

– Шкура, – сказал фотограф и обиженно отвернулся.

В начале июня неожиданно приехал досрочно демобилизованный Аркаша Марочкин. Уезжал простым человеком, а вернулся ефрейтором. Привез Аркаша матери подарки: полшалак чисто шерстяной, отрез на платье и еще кое-чего по мелочи. Было чего рассказать. Когда выключили электричество, Тихоновна засветила керосиновую лампу, и долго еще желтели два окна в доме Марочкиных.

Утром Аркаша не торопясь умылся, позавтракал и, приведя себя в порядок, вышел на крыльцо.

Лизка, которая вот уже полтора часа ковыряла мизинцем трухлявую штaketину в Аркашиной калитке, кинулась к долгожданному:

– Аркаша!

И обомлела. На Аркаше все сверкает. Сапоги, пуговицы, бляха. На груди значков штук шесть. Все большие, как ордена, и тоже сверкают.

– Аркадий Алексеевич, – поправила Лизка и отступила на два шага в сторону.

– Здорово! – Аркадий двумя пальцами расправил гимнастерку под ремнем и, выбросив вперед левую руку, долго смотрел на циферблат часов.

– Сколько время? – почтительно спросила Лизка и сама смутилась от нелепого своего вопроса.

– Полчаса десятого, – значительно ответил Аркаша и между прочим поинтересовался:

– Ну как жизнь?

– Ничего, спасибо.

– Замуж еще не вышла?

– Нет еще.

– Чего ж так?

– Куда спешить-то? – сказала Лизка, приблизилась и тревожно посмотрела в Аркашины глаза. – А ты... А ты не женился?

– У солдата в каждой деревне жена и в каждом доме теща, – сказал Аркаша и опять посмотрел на часы. Потом вынул из кармана сверкающий никелем портсигар, щелкнул крышкой, постучал по крышке мундштуком «Беломора».

– Опять в колхоз пойдешь или как? – робко спросила Лизка.

– Не знаю. Посмотрю, что председатель скажет. Найдется что подходящее – останусь. А нет, так... Меня теперь где хочешь примут. Механик-водитель. На любой завод без разговору. – И заторопился: – Ну ладно, пойду, чего тут зря разговаривать!

Лизка одним пальцем тронула наглаженный рубчик Аркашиного рукава:

– Вечером в клуб придеешь?

– Не знаю. – Аркаша убрал локоть. – Чего там делать? – Но, поглядев ей в глаза, смягчился: – Может, и приду. Видно будет. – И пошел по тропке мимо соседских дворов, стройный, подтянутый.

Лизка тоже пошла было, но на крыльцо, гремя ведрами, вышла Тихоновна. Поздоровались. Тихоновна внимательно посмотрела на Лизку, спросила:

– Ждешь кого?

– Да нет... так просто стою.

– Аркашу видела?

– Видела. – Лизка пожала плечами: дескать, было б на что смотреть.

Тихоновна поставила ведра на землю.

– Ну и как?

– Да чего – как? Парень как парень. Две руки, две ноги – ничего особенного.

– Это как сказать – ничего особенного. На службе-то девки за им знаешь как бегали.

– Девки бегали? – насторожилась Лизка.

– И-их, милая, еще как бегали-то. – Тихоновна для чего-то наклонилась к самому Лизкиному уху и понизила голос: – Фотокарточек привез цельную пачку. Вот такую. И все девки. Мне уж больно одна там понравилась. Из себя такая видная, и родинка на этом месте, возле глаза. Симпатия. На фершалку учится.

– На фершалку?

– На фершалку, милая, на фершалку, – охотно подтвердила Тихоновна.

– Ну, я пойду, – неожиданно заторопилась Лизка. – До свидания вам.

– До свидания, милая. Заходи как-нибудь, – радушно предложила Тихоновна. «Когда нас дома не будет», – добавила она про себя. Ей не нравилась Лизка. Она считала, что сын ее достоин лучшей пары.

А Лизка шла, задевая пальцами штакетник, и не глядела под ноги. «Фершалка, – думала она, – подумаешь, фершалка».

5

До последнего экзамена оставалось шесть дней. Немецкий язык – предмет несерьезный, и про учительницу, которая вела его, ходили в школе добрые слухи. Говорили: если знаешь все буквы – тройку поставит. Алфавит Гошка мог прочесть без подготовки. Поэтому он решил отдохнуть и сходить в кино.

Все знали, что в клуб привезли фильм про шпионов. Поэтому задолго до начала все скамейки были заняты. Завклубом Илья Бородавка продавал билеты прямо у входа и сразу отрывал контроль.

Гошка увидел на одном подоконнике свободное место и пошел туда.

– Гоша, – услышал он Лизкин голос и обрадовался. Подумал: «Значит, и Санька здесь».

Но Саньки не было. Лизка сидела во втором ряду, рядом с ней – Аркадий Марочкин. Он уже снял с себя военную форму и сейчас сидел в похрустывающей кожанке и хромовых сапогах. Время от времени он небрежно выбрасывал вперед согнутую в кисти левую руку и смотрел на светящийся циферблат своих часов. Лизка была в шелковой косынке, в синей жакетке, с искусственной розой на груди.

– Садись, Гоша. – Она подвинулась к своему кавалеру и двумя пальцами подтянула подол праздничного платья. – В кино пришел? – спросила она и улыбнулась уголком рта, чтоб показать металлическую «фиксу», вставленную недавно. Лизка смотрела на Гошку, счастливо улыбалась, и глаза ее говорили: «Вот не хотел ты со мной, а я не хуже нашла».

«Где ж Санька?» – подумал Гошка и хотел спросить о ней у Лизки, но почему-то не решился и сказал:

– Что это ты зуб вставила?

– Болел, – сказала Лизка, и видно было, что врет, – купила за три рубля в Актабаре.

В первом ряду, прямо перед Гошкой, сидел завскладом Николай Тюлькин со всем своим семейством: женой Полиной, трехлетней дочкой Верочкой и тещей Макогонихой. Девочка вдруг расплакалась. Полина трясла ее на руках и успокаивала:

– Зараз зайцев покажут. Багато, багато зайцев побытых!

– А воны з рогамы? – спросила девочка, вытирая слезы.

– З рогамы, з рогамы.

Бабка Макогониха сидела рядом и не обращала на дочку и внучку никакого внимания.

Когда-то хорошая хозяйка и рукодельница, в последние годы Макогониха чувствовала себя все хуже и хуже. У нее часто кружилась голова, тряслись руки, а в ногах была такая слабость, что даже поболтать с соседками старуха выходила редко. Она жаловалась дочери на недомогание и удивлялась:

– Николы такого нэ було.

– Шо вы, мамо, удивляетесь? Восемьдесят годов вам тож никола нэ було.

В последнее время старуха почти ничего не помнила и не понимала. Полина давно уже отстранила ее от хозяйственных дел. Старуха отчасти потому, что не привыкла сидеть без работы, отчасти из чувства обиды и противоречия, хваталась за все, но ничем хорошим это никогда не кончалось.

Макогониха сидела рядом с дочерью и, недоверчиво поджав губы, смотрела на экран, как будто видела его впервые.

Лизка толкнула Гошку в бок и, имея в виду Макогониху, шепнула:

– Сейчас будет плакать.

И правда. Как только погас свет и на экране появились борцы, старуха завздыхала:

– Боже ж мий, таки молоді. За що їх? – І, не получив ні від кого відповіді, вона заплакала від жалості до борцям і плакала потім, коли після журналу люди з собаками півтора години гонялись за молодим шпיוном.

Лизка сиділа, скрестив руки на грудях, і дивилась байдужо. Вона бачила фільм раніше і все знала наперед. Тому, коли в самому захоплюючому місці Марочкін вигукнув: «Вот, елки-малки, опять ушел!», вона прижалась до нього:

– Не бойсь, пимають.

– Тихе ти – «пимають», – сказав хто-то в задньому ряду.

Лизка испуганно съежилась и сильнее прижалась к своему кавалеру.

Тремтіння апарату. В клубі хто-то курив. Було димно і душно. На туманному екрані блукали шпioni. Гошка закрив очі. Його розбудила Лизка. Вона протягнула йому горсть сімечок:

– Будеш лускати?

– Що? – спитав Гошка, відкриваючи очі.

– Спиш, що ли?

– Ні, – сказав Гошка і знову задрімав.

Після кіно всі розійшлися кучками. Поруч крильця цілою толпою стояли хлопці і, осліплюючи вихідних електричними фонариками, шукали своїх попутників. Анатолій, який в час сеансу сидів у дверях, вийшов першим і почекав Гошку на вулиці. Вони пішли разом. Впереді них йшли Тюлькіни. Глава сім'ї йшов посередині, несучи на руках дівчинку.

– Ну як картина? – спитав Анатолій. – Понравилась?

– Понравилась, – відповів Гошка, зів'явши. – Спати добре.

– Ти що, спи? Зря. А я люблю такі речі. Вот читав книжку «Охотники за шпионами». Не читав?

– Ні.

– Про контррозвідників. Інтересно. Ти хотів би стати контррозвідником?

– Раніше хотів, – сказав Гошка.

– А тепер що ж?

– Не знаю. Колись думати про це. Своїх робіт хватить. – Вони свернули на тропку і пішли по одному – Анатолій вперед, Гошка ззаду. Зліва трохи чути журчала річка, і вода, відбиваючи тьмяні зірки, неясно мерцала крізь рідкий каміш. Було зовсім темно.

– Да, – сказав Анатолій, – ти Саньку не бачив?

– Ні. Не бачив.

– Коли картина почалась, вона прийшла в клуб, всі когось-то висматрувала, а потім пішла.

6

Шесть дней, данных на подготовку к немецкому, прошли незаметно. К исходу шестого дня Гошка знал не больше, чем в первый день. Вечером, придя с работы, он сел у окна и раскрыл книгу.

За столом в ватных брюках и валенках сидел дядя Леша и набивал солью патроны для своего ружья. Иногда Гошка отрывался от учебника и смотрел, как старик сыплет в патрон щепотку серой, как весенний снег, соли и утрамбовывает ее желтым от самокруток пальцем.

Надвигались сумерки, но возле окна было еще довольно светло.

– Слышь, Гошка, – спросил хозяин, – у тебя ноги на погоду не крутит?

– Нет, – рассеянно ответил Гошка, – не крутит.

– А у меня крутит, – сказал дядя Леша и вздохнул. Ему очень хотелось поговорить с Гошкой, но Гошка, видимо, не был расположен к разговору. Дядя Леша почесал в затылке и снова принялся за свое дело.

С ведром в руках вошла Яковлевна.

– Так ты ще сыдышь! – возмутилась она, стаскивая у входа резиновые сапоги. – Я вже корову подоила, поросю накормыла. Ой, Лешка, растащат у тэбэ склад, скажешь, шо я брэхала.

– Ладно тебе, – примирительно проворчал дядя Леша. – Иду.

Но пошел он не сразу. Сперва ссыпал патроны в парусиновый мешочек, потом перемотал портянки, надел тулуп и долго искал свою шапку. Наконец перекинул через плечо централку и пошел к дверям.

– Ну я пошел, – сказал он, остановившись.

Яковлевна промолчала. Гошка был занят и тоже промолчал.

– Ну я пошел, – повторил дядя Леша. И так как его никто не задерживал, он вздохнул и вышел на улицу.

Яковлевна вкрутила лампочку. Гошка пересел к столу.

В окно постучали. Гошка подумал, что это дядя Леша. Видно, забыл что-нибудь. Гошка выглянул в окно и увидел всадника. Это был бригадир первой бригады Сорока. На лошади он напоминал модель памятника Юрию Долгорукому, что украшала собой чернильный прибор председателя.

– Гошка! – Сорока откинул руку с нагайкой в сторону. – Гошка, гони до правления. Там тебя председатель ждет.

Он резко опустил руку. Лошадь испуганно шарахнулась и унесла его в сумерки.

На столбе перед конторой горела лампочка. Она освещала кусок двора и высокое крыльцо с покосившимися перилами. Возле крыльца на земле лежал старый дамский велосипед. По нему Гошка сразу определил, кто находится в конторе. Это был велосипед бригадира строителей Потапова. Велосипед был старый-старый, и, когда хозяин ехал на этой штуке, по всей Поповке был слышен скрип.

Восемнадцать строителей сидели в конторе вдоль стен. Восемнадцать папирос мерцали в полумгле. Дым, слоями развешанный в воздухе, колебался. Мутный свет лампочки едва проходил через эти слои. За широким столом, малозаметный в дыму, сидел председатель и вертел чернильницу, украшенную бронзовым Юрием Долгоруким, который напоминал бригадира Сороку.

Председатель недавно бросил курить. Он кривился и морщился, испытывая искушение, и, отставив чернильницу, отмахивался от дыма руками. Перед ним стоял Потапов и убеждал председателя в том, что лучшей бригады, чем та, что сидит в этой комнате, ему не

найти во всем районе и поэтому председателю нужно согласиться платить строителям по сто рублей на брата.

– Отстань, – сказал председатель устало. – Лучше отстань, Потапов. – И постучал пересохой чернильницей по пружинящей крышке стола.

Потапов покосился на чернильницу, но, не отступая, спросил:

– Значит, не дашь?

– Не дам, – решительно сказал Пятница.

– Не дашь?

– Не дам.

– Дай закурить, – Потапов откинул в сторону руку.

Каменщик Валентин бросился к нему и с готовностью развернул портсигар. Некурящий Потапов закашлялся с непривычки и выпустил облако дыма в лицо председателю.

– Ладно, – сказал Потапов, покурив. – Последний раз спрашиваю: дашь или нет?

– Нет, – сказал председатель.

– Ладно. Тогда порвем договор. Завтра утром чтоб был полный расчет. Пошли, хлопцы. Строители ушли.

– Георгий, открой окно, – попросил председатель, а сам пошел открывать другое.

Свежий ветер качнул сероватые занавески. По ступенькам крыльца вразнобой стучали сапогами строители. Потом раздался режущий ухо скрип и визг. Это ехал на велосипеде Потапов.

– Сволочь, – тихо сказал председатель и повернулся к Гошке. – Знаешь, зачем я тебя вызвал?

– Не знаю, – сказал Гошка.

– Завтра в Актабар эшелон с лесом приходит. Все машины туда бросаем.

– Меня не бросайте. Не поеду.

– Почему ж это?

– У меня завтра экзамен. По немецкому.

– Ну и что? Нагрузишь там, это недолго... минут пятнадцать. Потом в школу поедешь.

Глаза у председателя были грустные и красноватые. Гошке вдруг почему-то стало его жаль, и он согласился:

– Ладно, поеду.

Утром, выезжая из гаража, он подобрал Анатолия. Машина Анатолия стояла в Актабаре на ремонте, и он ездил в город на попутных. Ехали молча. Анатолий насвистывал какую-то песенку. Гошка крутил баранку, вспоминая про себя правила спряжения глаголов.

Выехали за околицу. Высокое солнце било в глаза. Впереди показалось кладбище.

– Вот смотри, ходим тут, ездим, а потом все равно туда, – сказал Гошка.

– Боишься умирать? – спросил Анатолий.

– Боюсь.

– А чего бояться-то? Умрешь – не надо ни о чем заботиться, ни о чем думать. Немецкий учить не надо. Зачем жить хочешь?

– Не знаю, – сказал Гошка. – Наверно, из любопытства. Хочется знать, что завтра будет.

– Завтра дождь будет. Смотри, – Анатолий вытянул шею, – никак покойники.

При приближении машины с кладбища поднялся высокий и худой человек и, ведя в руках дамский велосипед, вышел на дорогу. Это был бригадир Потапов. А за ним потянулись к дороге остальные шашники, каждый со своим инструментом, как оркестранты. Остановившись посреди дороги, Потапов поднял руку, словно приветствовал проходящие перед ним войска. Гошка остановился.

– До Тимашевки подвезешь? – спросил Потапов и поставил на ступеньку ногу в белом от пыли кирзовом сапоге.

– Уезжаете? – спросил Гошка.

– А чего ж делать? – Потапов тронул пальцем стриженные свои усы. – Председатель договор перезаключать не хочет, а нам что? Мы люди вольные, дефицитные, нас где хотишь возьмут. А оно ведь, как говорится, рыба ищет где глубже... Каждый свой интерес понимает.

– Не повезу, – сказал Гошка, выжимая сцепление.

– Как – не повезешь? – Потапов одной рукой ухватился за дверцу. – Мы же не задаром. По тройку с брата заплотим. Трижды восемнадцать – пятьдесят четыре. Заработать не хочешь, что ль?

– погоди! – Анатолий выключил зажигание. – Давай по пятерке – повезем.

– Много больно, – замялся Потапов.

– Не хочешь, как хочешь. Поехали, Гошка.

– По четыре, – набавил рыжий и рыхлый каменщик Валентин. Он был в милицейских галифе и в белых тапочках.

– По четыре с половиной, – предложил Анатолий. – И то себе в убыток.

– Ну и дерешь, – возмутился Потапов.

– Каждый свой интерес понимает, – процитировал его Анатолий.

– Ну и жох, – сказал, сдаваясь, Потапов. – Ладно, хлопцы, поехали, а то тут машины не дожدهшься.

«Дефицитные люди» горохом посыпались в кузов. Открыв дверцу, Гошка сказал:

– Садитесь все вдоль бортов, а то еще повыпадаете, отвечай за вас.

Проехав с полкилометра по грейдеру, машина свернула вправо на едва заметную степную дорогу и остановилась. Анатолий вылез на подножку и сказал, не обращаясь ни к кому в отдельности:

– Сейчас заскочим в бригаду. Там подборщик с осени остался, захватить надо. Мы бегом.

– Валяйте, – махнул рукой Потапов.

Машина снова тронулась в путь. По этой дороге машины ходили обычно только два сезона в году: во время уборочной и во время посевной. В остальное время дорога была пуста. Справа и слева, колеблемая тихим ветром, пыльно-зеленая волновалась пшеница. Скоро шабашникам стало скучно, и они решили петь песни.

Когда б имел златые го-оры, —

начал Валентин, и все подхватили:

И ре-еки, полные вина...

Шабашники пели нестройно, каждый старался всех перекричать. Анатолий прислушался.

– Поют? – спросил он.

– Поют, – подтвердил Гошка.

Когда спидометр отсчитал двадцать километров, Гошка посмотрел на Анатолия:

– Пожалуй, хватит.

– Давай еще, – сказал Анатолий. – Что тебе, бензину жалко?

– Нет, хватит, – сказал Гошка.

Машина медленно взбиралась на большую гору, похожую на верховое седло. Шабашники, сидя вдоль бортов, пели. Валентин, покраснев от натуги, вытягивал шею, и его писклявый бабий голос выделялся среди всех остальных. Потапов одной рукой придерживал велосипед, который лежал посредине и подпрыгивал на ухабах. Вдруг мотор зачихал, захлопал, и

машина остановилась, немного не доехав до вершины сопки. Гошка и Анатолий выскочили из кабины и открыли капот.

– Карбюратор, – сказал Гошка.

– Трамблер, – возразил Анатолий. – А ну-ка ты, – обратился он к Валентину, – у тебя силы много. Покрути ручку.

Валентин крутил до тех пор, пока не взмок от пота. Потом крутили все остальные.

– Придется толкать, – сказал Анатолий, забираясь в кузов. – Я буду командовать. Раз-два, взяли!

Шабашники облепили машину, как мухи горшок со сметаной.

– Еще – взяли!

У Валентина от напряжения вздулись на шее жилы, и конопатое лицо его омылось румянцем. Бригадир Потапов шел бочком, упираясь в кузов одной рукой, осторожно, словно боялся прилипнуть.

– Ты, начальник, не стесняйся, – сказал ему Анатолий, – здесь все свои. Вот видишь, сама идет, только толкай.

Подталкиваемая тридцатью шестью руками, машина медленно перевалила через гребень сопки и, быстро набирая скорость, покатила под уклон.

– Стой, – устало махнул рукой Потапов. – Стой! – крикнул он, видя, что машина все удаляется.

– Стой! – заорали хором шабашники, и бабий голос Валентина снова перекрыл все остальные.

Валентин первый понял, что их обманули, и, работая локтями, побежал за машиной. Его рыжие волосы упали на лоб, придавая лицу выражение свирепости. За Валентином, широко расставив руки, бежал Потапов. За ними валили толпой все остальные.

Анатолий, стоя в кузове, поднял над головой измятую кепку:

– Привет бригаде коммунистического труда!

Впрочем, вряд ли те, к кому он обращался, могли его услышать.

У подножия сопки Гошка остановил машину и, вскочив в кузов, помог Анатолию сбросить на землю вещи шабашников. Они торопились и один ящик бросили неосторожно, из него вывалились на дорогу топор, рубанок, ножовка и прочий плотницкий инструмент.

Последним полетел с кузова велосипед бригадира. Он ударился о землю, высоко подпрыгнул и, свалившись набок, прочертил рулем полосу в дорожной пыли.

– Поехали, – скомандовал Анатолий. – А то догонят, накостыляют по шее.

Шабашники, размахивая руками, бежали с сопки, и уже совсем близко мелькали белые тапочки Валентина, когда машина тронулась и, обогнув сопку снизу, ушла по направлению к грейдеру.

– Небось рады, что мы с них денег не взяли вперед, – сказал Анатолий.

7

Несмотря на то что Гошка приехал на станцию рано, там уже была очередь на погрузку. Гошка поставил машину в хвост колонны и сел на подножку читать учебник. Просмотрев все страницы, он понял, что уже все равно ничего не успеет выучить, и ему оставалось только надеяться на учительницу, которая, по слухам, ставила тройки за одно только знание алфавита. «Как-нибудь, – думал Гошка. – Все сдал, а уж немецкий...»

Когда подошла Гошкина очередь, он поставил машину под погрузку и отдал накладную хромому заспанному мужику. Тот долго держал накладную в корявых пальцах, рассматривал ее и, возвращая Гошке, сказал:

– А почему не подписано?

– Как не подписано?

– А вот не подписано. Видишь: «Подпись руководителя учреждения» – председателя, значит. Где она?

– Что ж делать?

– За подписью надо ехать. Давай освобождай место, другие ждут.

– Слушай. Ну председатель потом приедет, подпишет.

– Потом и получишь. Освобождай место.

Он был неумолим.

Гошка плюнул, заехал в ближайший переулочек и нарисовал на накладной несколько крючков и закорючек. Вышло довольно убедительно. Гошка вернулся на станцию.

– Так быстро? – удивился завскладом.

– Встретил его, ехал в райком, – сказал Гошка.

– Ну вот видишь, как хорошо получается. Открывай борт.

Хотя грузчики работали быстро, в школу Гошка все-таки опоздал. Экзамены уже кончились. Гошка встретил учительницу, когда она с маленькой сумочкой и букетом цветов выходила из класса. Это была не та учительница, о которой ходили такие добрые слухи, а другая – молодая, высокая, с пышной прической. Несмотря на свою молодость, учительница была закоренелой пессимисткой. Все ученики, по ее мнению, были неисправимыми лодырями.

– Экзамен уже окончен, – сказала она.

– А как же быть? – спросил Гошка.

Учительница равнодушно пожала плечами:

– Надо было раньше думать. Для чего-нибудь другого вы бы нашли время. А для экзаменов у вас его нет.

– Ну как же, я ведь готовился-готовился, – сказал Гошка, идя следом. – Может, примете, а?

То ли голос его звучал очень жалобно, то ли была для этого другая причина, но учительница остановилась и сказала:

– Не знаю, что с вами делать. Я уже ключи отдала уборщице.

– Я сейчас возьму, – сказал Гошка и, не дожидаясь ответа, побежал искать уборщицу.

Учительница вошла в класс, положила на стол цветы, сумочку, достала из сумочки папиросу и сунула Гошке словарь:

– Переведите отсюда досюда.

Сама закурила и села на краешек парты у окна. Гошка трудолюбиво листал словарь.

– Ну что? – спросила учительница через несколько минут.

– Сейчас.

– Хорошо.

Подождала еще минуты три.

– Кончили? Нет? Сколько же вы перевели? Четыре строчки? Можно бы и больше, если вы усердно готовились. Ну хорошо, читайте. Так. Так. Это слово пишется так: лейбен. Читайте вы, надо прямо сказать, неважно. Ну а что вы еще знаете из области немецкого языка? Основные формы модальных глаголов знаете? Не знаете? Скажите основные формы глагола «лерен».

– Лерен, лерте, гелерт.

– Правильно. Немен?

– Немен, немте, генемт, – охотно сказал Гошка и доверчиво посмотрел на учительницу.

– И это называется – вы знаете предмет, – с горечью вздохнула учительница. – Неправильно. Немен, нам, геномен. Не понимаю, зачем государство дает вам месячный отпуск.

– У меня не было отпуска.

– Ну да, вы – исключение.

Учительница взяла со стола цветы и сумочку и направилась к выходу, торжественно неся свою красивую голову с пышной прической.

– Может, я пересдам? – идя за ней, нерешительно попросил Гошка.

– Конечно, пересдадите. Осенью, – ответила учительница, не оборачиваясь.

Звездный вечер стоял над Поповкой, и луна, расколовшись, лежала в Ишиме. Гошка осветил спичкой часы и пошел домой. Он шел вдоль берега, раздвигая кусты, пушистые листья скользили по его щекам. У песчаной излучины против бани Гошка хотел свернуть к дому, но услышал девичьи голоса. Гошка раздвинул кусты и увидел Лизку, которая, сцепив руками колени, сидела на бугре. Кто-то барахтался на середине реки.

– Эй, Лизка! – услышал Гошка Санькин голос. – Давай купаться!

– Холодно! – отозвалась Лизка.

– Глупая! – плывя к берегу, крикнула Санька. – Вечером вода всегда теплее!

Она подплыла к берегу и, все еще разводя руками, стала выходить из воды.

Гошка хотел выйти к девушкам, но передумал. Санька спросит, с чем поздравить. А с чем его поздравлять? Он притаился в кустах. Санька вышла и остановилась возле Лизки.

– Боишься? – спросила она. – А мне хоть бы что. Нисколечко не холодно.

– У тебя кровь горячая, – сказала Лизка.

Санька не спеша вытиралась. Осыпанная светом луны, она видна была смутно и в то же время отчетливо. Настолько отчетливо, что Гошке казалось: он видит, как с ее ступней сбегает в песок нестойкие капли воды.

– Красивая ты, Санька, – вздохнула Лизка. – С таких, как ты, наверно, картины рисуют.

– Правда, красивая?

– Правда, – сказала Лизка.

Санька тихонько засмеялась, а потом сказала грустно:

– Красивая, да смотря для кого.

– Все об Гошке своем переживаешь, – сказала Лизка. – А чего об нем переживать? Мало разве других парней?

– Парней много, – сказала Санька, – а Гошка один.

– Все они одинаковые, – сказала Лизка. – Вот Аркаша у меня... Вчера сидим на крыльчике, он вот так взял за плечи: «Поцелуй, говорит, меня». – «А я, говорю, не умею целоваться». – «Ну, говорит, я тебя поцелую. Можно?» – «Можно, говорю, только осторожно». – «А больше, спрашивает, ничего не можно?» – «Ишь ты, говорю, какой быстрый. Ты, говорю, это брось, не на ту напал». – Лизка усмехнулась. – Они ведь, мужики, все такие. Лишь бы обмануть. А ты ходи потом мать-одиночкой, это его не касается. Но меня не обманешь. Я ведь таких насквозь вижу. – Лизка засмеялась, потом сказала: – С ихним братом знаешь как

надо? Сначала его замани. Делай вид, будто на все согласная. А как до чего дойдет, придержи-живай.

– И долго? – насмешливо спросила Санька.

– Долго, – деловито ответила Лизка, – до самого загса. И вся любовь.

– Это не любовь, – вздохнула Санька. – Это морока. Пойдем, что ли? Завтра рано вставать.

Санька натянула на себя прилипающее к телу платье и пошла впереди, неся в руках белые тапочки. Гошка подождал еще немного и вышел из кустов.

8

Как-то после обеда Иван ходил по деревне и, показывая всем большой екатерининский пятак, хвастался:

– Вот поеду в Акмолинск. Машину куплю, буду ездить, как председатель.

Оказалось, что за этот пятак Иван продал цыганам колхозную корову. Цыган догнали, корову отобрали, а пятак остался у Ивана. Только с того дня мальчишки не давали пастуху прохода. Они ловили его где-нибудь на улице, и кто-нибудь самый бойкий допрашивал: «Иван, ты зачем продал цыганам корову? Вот я возьму тебя за верхнюю губу и отведу в милицию». Иван прятал верхнюю губу за зубы. «Ничего, я тебя за нижнюю отведу». Иван пытался спрятать и нижнюю, но это ему не удалось, и он, сжав кулаки, молча бросался на своих обидчиков. Те, визжа и хохоча, разбегались врассыпную.

Но потом эту историю забыли даже мальчишки, и единственный, кто ее помнил, был Тюлькин.

В этот день Тюлькин открыл склад поздно и, сидя за деревянной перегородкой, ожидал, не придет ли кто за продуктами. Но никто не шел. Тогда Тюлькин повесил на двери склада большой висячий замок и присел на оглоблю поломанной брички, что стояла во дворе. На свежем воздухе сидеть было приятно. Тюлькин вытащил из бокового кармана четвертинку и стограммовый стаканчик, поболтал остатки, выпил, не закусывая, и бросил бутылку на кучу опилок, чтобы не разбилась. Закурил. Глядя на черную свинью, что рылась в корыте посреди двора, он думал о смысле жизни. «Вот, – думал он, – жрет свинья. А зачем жрет? Чтоб жирней быть. Разжиреет, скорей зарежут. А ведь небось тоже жить хочет». Не хотел бы Тюлькин быть свиньей. Ведь свинья только для того и живет, чтобы ее зарезали. Подрастет, откормится, потом ее под нож и за заднюю ляжку на крюк. У Тюлькина таких крюков двенадцать штук в балку вбито.

Тюлькин перевел взгляд со свиньи на дорогу и, увидев на ней Ивана, понял: коров пригнали, значит, время уже – обед. Увидев, что Иван идет к складу, догадался: тридцатое число. Пастуху, кроме трудодней, выписывали на каждый день литр молока и сто граммов сала. За салом Иван приходил в последний день каждого месяца, брал сразу три килограмма.

– Тюлькин, сало есть? – спросил он, подходя.

– На что тебе сало?

– Кушать буду.

– Куша-ать. У тебя вон губища какая – за все лето не сжуешь.

Иван, насколько это было возможно, поджал губы и, помолчав, напомнил:

– Тюлькин, давай сало.

– Ну ладно, – согласился Тюлькин. – Спляши барыню, тогда получишь.

Иван стоял не двигаясь.

– Ну чего ж ты? Давай, давай, а то останешься без сала.

Иван постоял, подумал и стал нерешительно перебирать ногами.

– Ну, ну, быстрее, – подзадоривал Тюлькин.

Иван задвигал ногами быстрее. Это была не пляска, а какие-то нелепые прыжки, лишённые смысла и ритма. Иван уже полдня гонялся в поле за коровами и особенно за телятами, которые чуть что поднимали хвосты трубой и разбегались в разные стороны. Поэтому сейчас он быстро утомился. Пот струйками тек с висков, со лба, затекал в глаза. Не останавливаясь, Иван скинул с себя казахскую лохматую шапку, расстегнул гимнастерку и продолжал подпрыгивать на месте, широко открыв рот и бессмысленно пуча глаза. Тюлькин угрюмо подбадривал:

– Давай, давай, работай, зарабатывай на сало.

Он смотрел на ноги Ивана и думал: «Хорошо быть дурачком, было бы чего поесть да где поспать, а там хоть трава не расти. И обижай его – не обидится, потому что дурак».

Гошка шел мимо склада в магазин за папиросами. Он случайно увидел пляшущего Ивана и подошел поближе.

– Давай, давай, – подбадривал Тюлькин, – вот и Гошка хочет посмотреть. Хватит барыню, давай русского. Вот так, да побыстрей, а то сало не получишь.

– Опять балуешься, Тюлькин, – сказал Гошка и повернулся к Ивану: – Иван, перестань плясать.

Иван перестал. Поднял с земли шапку и дышал тяжело, по-рыбьи. Тюлькин посмотрел на Гошку, потом на Ивана и после некоторого молчания спросил:

– Ну, чего стал?

– Давай сало, – сказал Иван.

– А чего стал?

– Гошка сказал.

– Ну и проси у него сало, – подумав, посоветовал Тюлькин и, поднявшись, пошел прочь.

Гошка схватил его за рукав:

– Дай человеку сало.

– Вот ты и дай. Ты ведь начальник. Министр!

– Дашь сало?

– Не дам.

После выпивки Тюлькин становился храбрым.

У Гошки задрожали пальцы, и кровь отошла от лица. Он сжал пальцы в кулак и двинул им Тюлькину в подбородок. Тюлькин прошел спиной вперед шага четыре и, споткнувшись, сел в пыль посреди двора возле свиного корыта. Свинья, испуганно хрюкнув, отбежала в сторону, потом зашла с другой стороны и снова принялась чавкать.

– Ну ладно, – сказал Тюлькин, трогая рукой подбородок. – Я тебе, Гошка, это припомню.

Он поднялся, сплюнул кровь с прикушенного языка и пошел прочь.

– Пойду скажу Петру Ермолаевичу, пусть он тебя на пятнадцать суток оформит.

– Сначала дай Ивану сало, а потом пойдешь жаловаться.

Тюлькин, не отвечая, прошел мимо. Гошка опять схватил его за рукав:

– Открой склад.

Тюлькин посмотрел Гошке в глаза и понял: надо открывать. Вечером к Гошке зашел Пятница. Сняв шапку, приглаживая ладонью пушок на голове, он сказал:

– Ты что ж это, Яровой, рукоприкладством занимаешься?

– Каким рукоприкладством?

Гошка сделал вид, что не понимает, о чем речь.

– Ну как каким? Вот Тюлькин жалуется, что ты его по физиономии съездил. Говорит: «В суд подам». Как же это получается? Я, конечно, на Отечественной не был, врачи в армию не пустили, но у нас в Первой Конной за это знаешь что делали? Не знаешь? А я вот тебе скажу: у нас за это... – Он долго думал, что в таких случаях делали в Первой Конной, но, так и не вспомнив, закончил: – У нас за такие дела по головке не гладили.

Гошка нахмурился:

– А что у вас делали в Первой Конной, если кто-нибудь издевался над раненым или больным?

– То есть как это – издевался? Что мы, деникинцы, что ли? У нас такого не было.

– А у нас было.

– Что было? Расскажи.

Гошка рассказал. Теперь нахмурился председатель.

– Да, брат, – сказал он, – в Первой Конной за такие дела, пожалуй, к стенке поставили б. Ну а как сейчас время не военное, то по морде, наверно, хватит.

Уходя, Пятница остановился в дверях и на всякий случай сказал:

– А вообще, Георгий, ты руки-то не особенно распускай. Не боксер.

Утром возле правления к Гошке подошел Иван и, протянув свой знаменитый пятак, сказал застенчиво:

– На, возьми.

– Зачем? – удивился Гошка.

– Машину себе купишь. Ездить будешь, как председатель.

9

В следующую субботу Илья Бородавка повесил на щите перед клубом афишу, извещавшую всех проходящих мимо, что в девять тридцать вечера в клубе начнется вечер молодежи. В программе – танцы под радиолу. Из всех видов культурно-просветительной работы Илья Бородавка пользовался в основном двумя: танцами и кино.

На должности заведующего клубом Илья оказался совершенно случайно. В прошлом году бывшая завклубом неожиданно вышла замуж за городского учителя и уехала. Полторы недели клуб был закрыт, и как раз в ту пору, когда с полевых станков все уже съехались в село. Из района никого не присылали. Молодежь роптала. Тогда председатель на очередном собрании колхозников спросил, не хочет ли кто занять освободившуюся должность. Все молчали. Знающих это дело людей не было, да и маленькая зарплата заведующего никого не устраивала. Наконец поднял руку счетовод Илья Бородавка и сказал тихо, но решительно, как будто шел добровольцем в опасную разведку:

– Я. Разрешите мне пойти.

Ему разрешили. Все были довольны. Правда, председатель сказал, что Илья на должность назначается временно, пока не пришлют кого-нибудь с образованием, однако всем было ясно, что с образованием никого не пришлют.

Илья взялся за дело со всей решительностью. Отремонтировал сцену, киноподставку, поставил несколько новых скамеек, а самое главное – потребовал у колхоза денег на покупку нового рояля. Рояль купили. Но так как никто не умел на нем играть, инструмент стоял без дела в глубине сцены. Илья сам стирал с него пыль, а чтобы никто без толку не стучал по клавишам, положил на крышку табличку: «Руками не трогать!» Эта заповедь была священной, и никто не решался прикоснуться к дорогому инструменту, кроме самого Ильи, который изредка, когда в клубе никого не было, открывал крышку, трогал наугад какой-нибудь клавиш и, приложив ухо к роялю, долго прислушивался к затихающему звучанию струн.

В этот день Гошка поздно вернулся из Актабара и, не заезжая ни домой, ни в гараж, остановился возле клуба. Так, в замасленных брюках, гимнастерке, кое-как очистив сапоги от скобу, прибитую возле крыльца, он вошел в клуб. Танцы были в полном разгаре. Вся молодежь была в клубе. Хромовые сапоги Аркаши Марочкина осторожно поскрипывали рядом с Лизкиными танкетками. Среди танцующих были две девушки-студентки, приехавшие из города на каникулы. Девушки эти танцевали только вдвоем и только «стилем». Во всяком случае, они сами так говорили. Должно быть, в городе, где они жили, девушки никогда не были «стилягами», но уж очень заманчива перспектива выглядеть в родной деревне по-иностранному.

– Гошка, привет!

Это крикнул Анатолий. Он танцевал с фельдшерицей Азалией, женой тракториста Степана Дорофеева. Сам Степан возле стены играл на маленьком столе в бильярд. Когда подошла его очередь, Дорофеев прикладывался к кию небритой щекой, долго целился, как из ружья, и бил каждый раз мимо. Потом отдавал кий напарнику, а сам ревниво глядел туда, где его жена танцевала с Анатолием.

Потом стали играть в почту. На блузках и пиджаках танцующих появились бумажные номерки. К Гошке подошел Илья Бородавка и тоже вручил номерок. Гошка приколот его к гимнастерке и почти тут же получил анонимку: «№ 27 в личные руки. Вам шлет чистосердечный пламенный привет молодая и прекрасная принцесса».

Гошка посмотрел в глубину зала. «Молодая и прекрасная принцесса», отворачиваясь, смущенно сверкнула «фиксой».

Гошка танцевать не умел, и делать ему в клубе было нечего. Он пришел с единственной целью – увидеть Саньку. Но Саньки не было. Гошка, постояв еще немного возле бильярда, стал пробираться к выходу. Именно в это время он увидел Саньку. Она вбежала в клуб в светлом платье, покрасневшая и запыхавшаяся. И тут же к ней подлетел незнакомый парень из строительной бригады, недавно присланной из района. Он хотел, видно, пригласить Саньку на танец, но неожиданно между ним и Санькой встал Анатолий. Он что-то сказал Саньке, потом парню. Санька улыбнулась и положила руку на плечо Анатолию. Все это Гошка видел издали. Он стоял возле стены и смотрел, как легко и свободно кружит Анатолий Саньку, и в это время завидовал своему другу. Вот они прошли почти полный круг и подошли к Гошке. Анатолий взял Саньку под руку и, подведя ее к Гошке, сказал:

- Ну а теперь вы станцуйте вдвоем, а то у меня нога что-то заболела.
- Я не умею танцевать, – сказал Гошка и покраснел, сам не понимая почему.
- Врет, – сказал Анатолий Саньке. – Танцует лучше всех. Балеймейстер.

Они прошли два круга. Гошка танцевал первый раз в жизни. Он держал Саньку за талию, стараясь это делать легко и свободно, и все-таки ему казалось, что держится он за горячий утюг. Кроме того, не получалось самое главное. Его кирзовые сапоги казались ему огромными, как пароходы. Он все время боялся наступить Саньке на ногу и смотрел вниз.

- Не смотри под ноги! – сказала Санька.

Но не смотреть он не мог. Ему было страшно. Его спасла сама Санька. Когда они проходили мимо дверей, она сказала:

- Выйдем на улицу. Жарко.

Минут через двадцать из клуба вышла Лизка. Утираясь платком, она увидела стоявшую в стороне машину. В кабине кто-то сидел, кто-то смеялся, кто-то целовался в кабине. Лизка из любопытства прислушалась к смеху и узнала Гошку и Саньку. Лизка вернулась в клуб. Аркаша пригласил ее на танго. Лизка танцевала, и выражение грустной задумчивости не сходило с ее лица.

- Ты чего? – вглядываясь в ее лицо, спросил Аркаша.
- Ничего, – сказала Лизка, – ничего. – И вздохнула.
- «Нешто так можно, с первого вечера», – подумала она осуждающе.

10

– Ну чего, хватит, что ли, месить? – Лизка вышла из круга и выставила вперед вымазанную в глине ногу. – Саня, слей-ка, ноги помою. Да не сильно лей-то, а то еще раз к колодцу бежать...

Санька осторожно наклонила ведро. Струйка воды побежала по Лизкиной ноге и, смешиваясь с глиной, стекала на землю.

– Вчера Степан Дорофеев меня на мотоцикле катал. Только из-за магазина выскочили, и свет в аккурат на мельницу попал. А там двое как вскочат да как шарахнутся за мельницу! Парень с девкой. Кто б это, думаю, был, а? – Лизка скосила глаза на Саньку.

– Что у тебя за шпионские замашки, – поморщилась Санька. – Знаешь, что мы с Гошкой были. Ну и что?

– А чего это вы там делали?

– Да ничего не делали. Сидели и разговаривали.

– Девушки, скажите, пожалуйста, как пройти к правлению?

На дороге с чемоданом в руках стоял незнакомый, городской, судя по одежде, парень. На нем были простроченные из простой ткани брюки, которые в городах называют джинсами, желтая в клеточку рубашка навыпуск.

– А вам кого надо? – любопытствовала Лизка.

– Ну кого... председателя, что ли.

– А-а. Ну, пойдешь, значит, прямо, потом налево, потом опять прямо, тут тебе по праву руку и будет правление.

– Спасибо.

Парень пошел.

– А председателя-то в конторе нету. Его раньше вечера не поймаешь! – крикнула Лизка вслед приезжему и посмотрела на Саньку. – Кто такой, как думаешь?

Санька пожала плечами. Лизка проводила парня долгим взглядом и опять повернулась к подруге:

– Значит, вы там сидели и разговаривали?

– С кем?

– Ну с Гошкой-то.

– Не веришь? Честное слово, сидели и разговаривали.

– На мельнице? – усомнилась Лизка. – Поговорить, я думаю, и возле хаты на лавочке можно.

– Какая ты умная! – Санька вздохнула. – Ничего такого у нас не было.

– И не будет, – подставляя другую ногу, насмешливо поддержала Лизка.

– Будет или не будет, не знаю, а пока не было. Понимаешь, Лизка, боюсь я этого. Говорят, ребята после этого уже не любят. А вдруг Гошка меня разлюбит?

– Или бросит, – сказала Лизка.

– Нет, разлюбит.

– Ну это все равно, – сказала Лизка. – Что разлюбит, что бросит – все равно.

– Нет, Лизка. – Санька поставила ведро на землю. – Самое страшное – когда разлюбит. А там уж бросит или не бросит...

11

Утром Илья Бородавка пришел в клуб и заперся в библиотеке. От нечего делать занялся перестановкой книг. Каждую книгу он снимал с полки, обтирал байковой тряпкой и ставил на прежнее место. Увлеченный этим занятием, он не сразу услышал, что кто-то играет на его любимом рояле. Илья прислушался. Нестройные звуки неслись из клуба. Илья почувствовал, что внутри его что-то оборвалось. С тряпкой в руках он вбежал в клуб. Какой-то парень в узких брюках и широкой клетчатой рубашке навывпуск («Должно быть, стилига», – подумал Илья) сидел за роялем и бойко барабанил по клавишам всеми десятью пальцами. Илье было бы легче, если бы его самого стукнули по голове. Он подошел к парню и вежливо сказал:

– Молодой человек, на инструменте разрешается играть только музыкантам, которые умеют.

При этом Илья поднес ко рту руку и кашлянул в кулак, должно быть, для внушительности.

– А я немножко умею, – сказал неуверенно парень. Илья с сомнением посмотрел на его короткие пухлые пальцы и сказал:

– Что-то не верится. А ну исполните что-нибудь.

– А что именно?

– Полонез Огинского.

Это было единственное произведение из всей классической музыки, которое знал Илья.

Парень пожал плечами и ударил по клавишам. Сначала пальцы его ходили медленно, как бы нехотя, но потом они стали работать все быстрее и быстрее, и Илья уже не успевал следить за ними. Иногда парень высоко взмахивал рукой и с размаху ударял по клавишам.

– Да, – сказал Илья восхищенно. Он готов был прослезиться от умиления. – А я подумал, что вы стилига, – виновато признался он. Помолчал и спросил нерешительно: – А фокс-троут какой-нибудь вы тоже умеете?

А потом в клуб пришел председатель. В последние дни его мучили приступы ревматизма, и он ходил, опираясь на палку. Увидев незнакомого молодого человека, председатель решил, что это, должно быть, из обкома комсомола. «Опять какая-нибудь проверка», – недовольно подумал он. Однако он никак своего недовольства не проявил и, протянув гостю руку, представился:

– Пятница.

– Корзин, – ответил парень. Потом подумал и уточнил: – Вадим.

– Культуру проверять? – полуутвердительно спросил Пятница.

– Нет.

«Заливает», – подумал Пятница и на всякий случай стал рассказывать приезжему, какая работа по части улучшения культурно-просветительной работы ведется в Поповке и в целом по колхозу.

– Вы меня, очевидно, принимаете за кого-то другого, – перебил Вадим. – Я приехал сюда работать. Мне посоветовали в ваш колхоз.

– В наш колхоз? А-а, – догадался председатель, – молодой специалист? Агроном?

– Нет.

– Зоотехник?

– Нет.

Пятница перебрал в уме еще несколько специальностей и посмотрел на гостя.

– Ну а кто же ты?

- Я? Так просто... человек.
- Ну а все-таки?
- Я из Москвы... Учился в институте...
- Исключили?
- Нет, сам ушел.
- Зачем?
- Не знаю. Хочу поработать.
- Понятно, – сказал Пятница. – Нужен жизненный опыт.
- Откуда вы знаете? – удивился Вадим.
- Знаю, – сказал председатель. – Не ты первый, не ты последний. К нам сюда многие приезжают. – Он выдержал паузу. – Потом уезжают. Я для них в конторе расписание поездов повесил. Будет нужда, заходи, посмотришь. А пока устраивайся, куда-нибудь определим.

12

Всей деревне было известно, что в свободное время Илья Бородавка пишет стихи. Писать Илья начал, можно сказать, по необходимости. Вот уже лет пять он был бессменным редактором стенгазеты. А так как никому до газеты не было дела и никто не писал для нее заметок, Илья решил собственными силами сделать ее интересной и содержательной. Так с некоторого времени в газете стали появляться стихи за таинственной подписью «Фан Тюльпан». Илья вывешивал газету в коридоре клуба и в полуоткрытую дверь библиотеки ревниво следил за тем, как относятся к его творчеству читатели. Читатели читали, усмехались, а встречая завклубом, любопытствовали:

– Кто это у нас, интересно, поэт такой?

– Знаем, где взять, – отвечал Илья хотя и некстати, зато загадочно.

Примерно месяц тому назад Илья собрал несколько своих лучших, по его мнению, стихотворений и отправил в столичную газету с таким письмом:

«Дорогая редакция!

Я, Фан Тюльпан (настоящее фамилие Бородавка), посылаю вам несколько своих произведений на сельскохозяйственную тематику. Буду рад увидеть их на страницах печати вашей газеты. Сам я рождения двадцать седьмого года и заведу клубом в селе Поповка. Являюсь редактором стенной газеты. В заключение разрешите выразить надежду на ваше благополучное внимание.

Остаюсь Илья Ефимович Бородавка».

Как только приходила почта, Илья брал нужную газету, запершись в библиотеке, просматривал ее и оставался разочарованным.

Писал Илья, будто глыбы ворочал, – потел, пыхтел, но все-таки ухитрялся сочинять в день по два, по три, а то и по четыре стихотворения. Написанное складывал в бумажный мешок и хранил его под кроватью.

Вернувшись после разговора с Вадимом из клуба, Илья сел за стол и минут за пятнадцать написал стихотворение. Он даже сам удивился такой быстроте. Перечитав стихи и поправив на ходу одну строчку, Илья пошел за женой, которая при свечке чистила курятник.

– Слышь, Пелагея, – сказал он, встав в дверях, – иди в хату, стих расскажу.

Пелагея поставила в угол ведро и лопату, загасила свечу и послушно пошла за мужем.

– Вот, слухай, – сказал Илья, – «Подруге жизни Пелагее Бородавке – тебе, значит, – этот стих посвящает автор:

Я помню чудное мгновенье,
Я шел по улице тогда,
И ваши очи голубые
Взглянули ласково в меня.
И понял я, что жизнь наша
Всегда имеет два пути...»

Пелагея легла на стол засаленным животом, подперла голову, смотрела в окно и думала о своем. Вот уже шесть лет, как они с Ильей расписаны, а детей все нет и нет. Соседка Татьяна восьмерых родила, троих рожать отказалась – лишние, видать. А тут хоть бы один... В прошлом году ездили в город к врачу специальному. «Ничего, говорит, у вас нет, дети

должны быть». Татьяна вчера приходила, посидела, семечки поплевала. «Чего-то, говорит, хочется еще родить. Пузо поносить хочется». А Пелагее разве не хочется?

...И я сказал вам: «Здравствуй, Паша,
Я долго ждал вот здесь тебя...»

В дверь постучали. Илья недовольно поморщился и, закрыв тетрадку, пошел открывать. Вошла Яковлевна. Села к столу, развязала ситцевую хусточку:

– Дуже душно. Там, у клуби, якийсь чи поет, чи поёт, в общем, вирши читае.

– Вадим, наверно? – вострепенулся Илья.

– Ну да, мабуть, Вадим. Той студэнт, шо прыхав. Я ходыла грабли шукать. Мои вчора стоялы биля сарайчику, а сьогодни вышла сино сгрэбать, дывлюсь – нэмае. Чи пацаны утяглы, чи шо. Пишла я до Павла-баптиста. «Дай, кажу, Павло, грабли на пивчаса, бо мои дэсь дилысь». А вин: «С сожалением, каже, дав бы, но самому зараз нужни». Бреши як собака. Ни разу из хаты нэ выйшов. Пиду, думаю, до Гальченка, у нього попрошу. А Гальченка дома нэма, и собака коло двору бигае. Ну, я повэрнулась тай назад. Трэба, думаю, в клуб зайты. Зайшла так, стала биля двэрэй, а той студэнт вирши читае. Шось такэ про любовь.

Илья схватил кепку и побежал к дверям.

– Ты куда? – спросила Пелагея.

– Сейчас приду, – сказал Илья.

13

В клубе возле сцены стоял окруженный колхозниками Вадим и, выбрасывая вперед правую руку, читал:

Мы в угольных шахтах потели,
Пилили столетние ели.
Мы к цели брели сквозь метели,
Глотая махорочный дым.
Фуфаек прокисшая вата
Мне тоже знакома, ребята.
Привыкли кирка и лопата
К рабочим ладоням моим.

– Здорово протаскивает! – сказал восхищенно Марочкин.

– Я чего-то не понял, – сказал стоявший рядом с Марочкиным Анатолий. – Это кто там в шахте потел? Ты, что ли?

– Нет, не я, – смутился Вадим. – Нельзя так буквально понимать стихи. Я – это мой лирический герой.

– А я думал, ты – это ты и есть, – сказал Анатолий.

– Ну это все равно что я. Это мой внутренний мир.

– А я думал, ты и снаружи такой, – разочарованно сказал Анатолий, и все засмеялись. Только Гошка дернул Анатолия за рукав и сказал тихо:

– Брось, зачем ты?

Илье стихи Вадима очень понравились. «До чего складно, – подумал он с завистью. – Мне бы так». С трудом протолкавшись к поэту, он попросил:

– Можно вас на минутку?

– Можно.

Они заперлись в библиотеке и в течение полутора часов вели секретный разговор, после которого Илья сбегал домой и, достав из-под кровати заветный лирический мешок, вернулся в клуб.

– Вот, – сказал он, передавая мешок Вадиму, – здесь все. Только смотри, чтоб ничего не пропало.

Илья шел домой, и настроение у него было хорошее. Ему было приятно оттого, что он поговорил сегодня с таким интересным человеком. Все-таки образованный и пишет. И печатался в четырех газетах и одном журнале. Когда они сидели в библиотеке, Илья прочел Вадиму несколько своих стихотворений. Вадим стихи похвалил, но сказал, что на месте Ильи он писал бы прозу. Например, записки заведующего клубом.

– Опишите обычные свои трудовые будни. По-моему, это будет очень интересно и актуально.

Придя домой, Илья достал из тумбочки чистую тетрадь и написал на обложке:

«ДНЕВНИК

заведующего клубом

Ильи Ефимовича Бородавки.

Начат в селе Поповка 14 августа 1960 года».

Илья открыл первую страницу и своим красивым почерком написал: «Сегодня в наше село Поповка прибыл молодой поэт. Он охвачен патриотическим подъемом убрать казахстанский миллиард...»

Дальше ничего не писалось. Илья посидел, поскреб обратной стороной ручки в голове и, ничего не придумав, лег в постель, к теплему телу жены.

Когда Вадим шел с мешком по улице, встретился ему Анатолий и спросил удивленно:

– Что несешь?

– Илья Бородавка, – сказал Вадим, вытягивая руку с мешком. – Собрание сочинений в четырех мешках. Мешок первый.

В заливных лугах за Ишимом косили сено. Гошка вез сено в Поповку. Машина была перегружена, и Гошка с тревогой замечал, что на ухабах передние колеса отрываются от земли. Подъезжая к мосту, он сбавил скорость, но это его не спасло. Мост был горбатый, и на самом въезде машина задрала нос и поползла назад. Гошка выжал сцепление и тормоз. Машина встала на задний борт и покачивалась. Река, Поповка, горизонт ушли вниз. Над ветровым стеклом висели облака. Гошка выругался и вылез из кабины.

Машина стояла на заднем борту и сушила на солнце передние колеса.

Подъехал Анатолий. Он обошел машину и почесал в затылке.

– Дела! А у меня и троса буксировочного нет.

В кабине у него сидел Вадим.

– Эй, Вадим! – крикнул ему Анатолий. – Сбегай в правление, пускай трактор сюда гонят.

Вадим вылез из кабины и нехотя затрусил в гору.

– Бегун, – глядя ему вслед, проворчал Анатолий. – Слушай, Гошка, ты зачем Саньке разрешаешь с ним по вечерам заниматься?

– А что? У них же репетиции.

– Репетиции... Смотри, дело, конечно, не мое...

– А что?

– Да ничего! Часто у них репетиции.

– Отстань.

В последние дни он почти не видел Саньку. Работала она по-прежнему на стройке, где Гошка уже не бывал. А по вечерам Санька уходила в клуб и пела под аккомпанемент Вадима разные песенки. Времени для свиданий не было. Отчасти такое положение вещей Гошку даже устраивало – ему надо было готовиться к передаче немецкого. Но какая-то смутная, еще не осознанная тревога волновала и его.

Гошка поднял с земли щепочку и стал счищать налипшую на сапог глину. Потом разогнулся и увидел Саньку. Перепрыгивая через лужи, Санька бежала к реке. Косынка у нее развязалась, она на ходу сорвала ее с головы и бежала, размахивая косынкой, как флажком.

– Уф! – Санька перевела дыхание и посмотрела на Гошку. – А Вадим мне сказал, что ты совсем перевернулся.

– А ты испугалась?

Санька посмотрела ему в глаза.

Испугалась. Видно по ней. При чем здесь Вадим?

Гошка насмешливо взглянул на Анатолия.

– Чего ты на меня уставился? – спросил Анатолий.

– Ничего. Вон трактор идет.

От Поповки к реке торопился «ДТ-54». Из его кабины высовывалась кудрявая голова Аркаши Марочкина.

14

Как только начали убирать силос, Саньку перевели на новую работу – весовщицей на автомобильные весы. Теперь она часто виделась с Гошкой, потому что, перед тем как везти силос к яме, Гошка должен был заезжать взвешивать машину. Время было горячее, перекинуться словом некогда, и все-таки, издалека завидев Гошкин «ЗИЛ» с покореженным левым крылом, Санька радовалась, что вот опять она сможет увидеть его.

В этот день Гошке не повезло. С утра он проколол заднюю камеру, и, пока менял колесо, другие сделали уже по две ходки, а Павло-баптист успел сделать три. Смонтировав колесо, Гошка гонял машину на полной скорости, чтобы догнать других, но тут новая неприятность – сломался комбайн.

Когда в конце дня Гошка подъехал к весам, на них стояла машина из Кадырской автобазы. Шофер, здоровенный парень с выпирающей под майкой грудью, размахивая руками, спорил о чем-то с Санькой.

– Вот, – сказал он подошедшему Гошке, – на принцип идет. Одну ходку, говорю. За свое, что ли, боишься?

Сев в кабину, он сердито хлопнул дверцей, так что весы ходуном заходили, и укатил.

«Здорово Санька его, – въезжая на весы, подумал Гошка, – какой умный, ходку ему».

Санька поставила рычаг весов на защелку и, посмотрев в свой блокнотик, сказала неуверенно:

– Гоша, я тут что-то напутала. У тебя шесть ходок только?

– Правильно, – сказал Гошка. – Шесть.

– Как же это? У других по восемь, по девять...

– Так получилось. Я много стоял.

– Ну ладно, – сказала Санька и стала заполнять путевку. – Восемь ходок хватит?

– Ты что? – Гошка вырвал путевку из ее рук. – Не надо.

– Ну а чего? Пускай, – просительно сказала Санька.

– Не надо, Саня, обойдемся.

– Как хочешь! – Санька обиженно поджала губы. – Я хотела как лучше.

– Разве так можно, Саня? – сказал Гошка и взял Саньку за локоть. – Ведь ты ему вон не приписала.

– Так то ж ему... – сказала Санька и расплакалась. – Так то ж ему... Проезжай давай. Не мешай работать.

15

Накануне концерта художественной самодеятельности Санька и Вадим поздно задержались в клубе. Ушли участники хора, ушли трое исполнителей одноактной пьесы про лодыря «Баранчук проснулся», а Вадим еще долго сидел за роялем и заставлял Саньку повторять то ту, то другую строчку «Подмосковных вечеров».

– Ты пойми, это твой коронный номер. Ты должна исполнить это с блеском. Ты должна исполнить это не хуже, чем... – он назвал фамилию известной певицы.

– Сравнил! – сказала Санька. – Она певица, а я кто?

– Горшки обжигают не боги, – сказал Вадим, – надо работать! Способности у тебя есть.

Он закрыл крышку рояля, и они вышли в коридор. Санька смотрела, как Вадим возится с дверным замком, все никак не может закрыть его. Станный человек этот Вадим. Он ни к чему не приспособлен, ничего не может. Его сейчас поставили работать грузчиком на силосе, эта работа выматывает его, но вечером он аккуратно приходит на репетиции и занимается в клубе допоздна. Он не похож ни на Гошку, ни на Анатолия, ни даже на тех летчиков, которых она знала в своем городе.

Вадим говорит туманно и, наверно, поэтому красиво. И его хочется слушать. Он много знает. И совсем непонятно, зачем он сюда приехал и что ему здесь надо.

– Пойдем!

Вадим наконец справился с замком. Они вышли на улицу.

– Смотри, – сказал Вадим и остановился.

Санька оглянулась вокруг, но ничего не увидела.

– «Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, и звезда с звездою говорит», – с чувством прочел Вадим. – Красиво. Люблю ночную степь. Ты знаешь, когда я учился в школе, мы ходили в турпоходы. Больше всего, Саня, я любил ночные привалы. Пылает огонь, трещит хворост, и искры уносятся в синюю тьму. Сейчас бы пойти в поход. Далеко. Километров за сто. И чтобы вокруг ни деревни, ни человека – никого и ничего.

По улице мимо клуба шли парни с гармошкой. «Увидят с Вадимом, сплетен будет...» – подумала Санька и заторопилась.

– До свидания, Вадим, я пойду.

– Уже уходишь? – грустно спросил Вадим. – Хочешь, я тебя провожу?

– Нет, нет, я сама.

Она пошла домой и думала о Вадиме. Зачем здесь живет этот парень? Хочет в поход ходить. На сто километров. Санька не слышала, чтобы у кого-нибудь из ее знакомых возникало такое желание. Вот хоть бы у Гошки. Гошка... Конечно, он прав в этой ссоре. Но Саньке тоже не хотелось сдавать позиции. И вот уже четыре дня они не разговаривают. И опять виновата она. Гошка раза три пытался заговорить, но Санька каждый раз становилась глухой. Гошка ездил злой и измученный. «Надо будет завтра мне помириться с ним», – подумала Санька и ускорила шаги. Пора было спать.

16

Над Поповкой плыли облака, настолько тонкие и прозрачные, что сквозь них просвечивали звезды. Дядя Леша расправил в бричке слежавшееся сено и, улегшись на него, положил рядом с собой ружье-централку. Спать не хотелось. Сегодня было заседание правления, и на нем решили платить колхозникам от шестидесяти лет и старше пенсию, как на производстве.

Яковлевна, которая рассказала об этом дяде Леше, насчет размера пенсии ничего толком не знала. Вроде бы должны платить по тридцать трудодней в месяц да еще надбавка за выслугу лет. За двадцать пять лет – десять процентов, за тридцать лет – не то пятнадцать, не то двадцать процентов. Дядя Леша сначала подсчитал, сколько получится, если надбавка будет двадцать. Выходило неплохо – тридцать шесть трудодней без всякой работы. А если пятнадцать? Дядя Леша снова стал подсчитывать, но тут же сбился со счета. Он плюнул с досады и стал пересчитывать еще раз, но на этот раз его сбили Гошка и Санька, которые шли мимо склада и разговаривали о чем-то. «Может, насчет пенсии», – подумал дядя Леша и прислушался. Говорила Санька:

– Ты, Гошка, хороший, только... ну я не знаю, как сказать. Вот смотри: ночь, степь... Ты хотел бы пойти в поход далеко-далеко, километров... на сто?

– Нет, не хотел бы, – сказал Гошка. – Мы как-то в армии ходили на двадцать пять километров, я портянку плохо намотал и ногу стер до крови.

– При чем здесь портянка? – вздохнула Санька.

– Как – при чем? Чтобы ходить в походы, надо уметь портянки наматывать.

– Вот видишь... портянки. А вот скажи, ты хотел бы совершить какой-нибудь подвиг?

– Зачем?

– Ну ни за чем. Просто так.

– Просто так не хотел бы, – сказал Гошка. – Вот если б для дела...

– А для меня?

– Для тебя?

– Да, для меня. Соверши для меня какой-нибудь подвиг.

– А какой? Ну хочешь, я тебя... на руках понесу?

– Понеси меня на руках, – упавшим голосом сказала Санька.

Дядя Леша не поверил своим ушам, приподнялся на локте и неодобрительно посмотрел вслед уносящему Саньку Гошке. Виданное ли дело – девок на руках носить! И вслух передразнил: «Хочешь, я тебя на руках понесу!»

Чудная молодежь пошла! Он вот свою жену никогда на руках не носил. Да и то сказать, в ней и смолоду пудов шесть было...

– Стой! Кто идет? – крикнул дядя Леша и на всякий случай потянул к себе заряженное солью ружье.

– Я, – ответила, приближаясь, расплывчатая в темноте фигура, и дядя Леша узнал в ней собственную супругу.

– А я уж тебя хотел солью, – сказал дядя Леша. – Чего пришла-то?

– Та вот сметанки тебе принэсла. Исты будэш?

Дядя Леша только сейчас вспомнил, что он сегодня не ужинал. Он встал с брички и, разминая затекшие ноги, сказал:

– Пойдем, вон там на приступочках посидим.

– А ружье где?

– Там, в бричке. Нехай лежит.

Яковлевна размотала тряпку и вынула из нее маленький глечик со сметаной. Дядя Леша ел сметану долго, потом вымазал остатки хлебом и положил корку в глечик, потому что выбрасывать – грех. Вытер губы, посмотрел изучающе на жену и поманил ее пальцем:

– Поди-ка сюда.

– Чого тоби?

– Иди, иди, не укушу.

И когда Яковлевна подошла, дядя Леша неожиданно обхватил ее руками и попытался приподнять. Яковлевна, вырываясь, размахивала руками и кричала полусердито:

– Пусты... Дурэнь старый... Тоже выдумал шутки...

С годами дядя Леша ослаб, а жена, видимо, еще прибавила в весе. Дядя Леша отпустил ее и, махнув рукой, сказал огорченно:

– Ладно, иди... бомба водородная.

Яковлевна ушла. Дядя Леша долго вздыхал, думая об ушедшей силе, но потом мысли его опять вернулись к вопросу о пенсии. Дядя Леша подумал, что, когда ему назначат пенсию, он вместе с женой уедет к сыну, который служит летчиком где-то на Кавказе. Он подумал о том, как обрадуется сын, и представил себе эту встречу в лицах. «Здравствуй, сынок», – сказал дядя Леша слабым голосом, обращаясь к воображаемому сыну, и сам себе ответил радостно: «Здравствуй, батя! Очень радый вас видеть! Как доехали?» – «Ничего, спасибо...»

– С кем это ты разговариваешь?

Дядя Леша вздрогнул и увидел перед собой Гошку. Проводив Саньку, Гошка возвращался домой.

– С собой. Это мне по должности моей одинокой полагается, – пояснил дядя Леша. – Из-за скуки своей разговариваю. Дома хоть с бабой поговоришь, а здесь... – сторож махнул рукой.

С бабой! Вот живет человек всю жизнь со своей женой и всю жизнь зовет ее «баба». И может, за всю жизнь ласкового слова ей не сказал.

– Дядя Леша, а ты свою бабу любишь?

– Чего?

– Ну, она у тебя хорошая?

– Да как тебе сказать... – задумался дядя Леша. – Ничего вроде бы. Тяжелая она, – вздохнул он, вспомнив недавнее.

17

Экзамен принимала старая Гошкина учительница, которая не была требовательной. Она заставила только прочесть несколько строк и проспрягать два глагола. И Гошка испытал то едва ощутимое чувство легкой обиды, когда требуют очень мало, а ты способен на большее. Потом Гошка пошел к директору, и ему тут же вручили хрустящий аттестат. Гошка пожал протянутую ему холодную руку директора.

«Ну вот, – подумал он, – среднее образование». Оно ему досталось с таким трудом, и он даже удивился, что особой радости по этому поводу не было. «Так, наверно, всегда, – подумал он, – когда добьешься чего-нибудь, уже не интересно». Сейчас все ему почему-то давалось очень легко. Даже машина завелась с пол-оборота.

Выезжая из брода, Гошка увидел на берегу человека. Человек поднял руку. Гошка затормозил.

– А, наше вам! – в восторге закричал человек и сверкнул стальными зубами. Это был тот самый фотограф, с которым Гошка писал сочинение. Фотограф был тогда первым из заочников, кто завалился.

– До Ивановки подвезешь? – спросил он.

– Садись.

– Свой парень, – сказал фотограф, влезая в кабину, но, когда немного проехал, вдруг спросил озабоченно: – А сколько возьмешь?

– Десятку.

Фотограф дернулся к дверце:

– Останови.

– Зачем?

– Ох ты – десятку! Другие и трояку рады.

– Ладно, сиди. Ничего я с тебя не возьму.

– Ха-ха, шутник! – радостно воскликнул фотограф, удобно устроившись на сиденье, и начал рассказывать, что, кроме сочинения, он завалил и геометрию с тригонометрией, и химию, но ему наплевать, потому что сейчас среднее образование – все равно как раньше четыре класса, и вообще на своей работе он обойдется без него. Вылезая против Ивановки, он спросил:

– Может, все же возьмешь трешницу-то?

– Вылазь.

– Как хочешь, – сказал фотограф и, поправив на бедре фотоаппарат, пошел прочь.

18

В первый же день уборки Илья Бородавка отобрал десятка два книг из тех, что поинтересней, и, связав их стопкой, вышел на дорогу ловить попутную машину. Ему повезло. Не прошло и пяти минут, как на дороге появился Гошкин «ЗИЛ-150». Илья забросил книги в кузов, где лежал большой фанерный ящик с продуктами, и они поехали.

Было жарко. Хвостатое облако пыли тянулось за идущей впереди «Волгой».

– Хорошие книжки везешь? – спросил Гошка.

– А как же! Самые зачитанные выбрал.

– А когда же ты свою книжку дашь почитать? – пошутил Гошка.

– Свою? Да вот жду, чего из Москвы ответят. У меня, Гошка, грамотности не хватает. А стихотворения я писать могу. Талант у меня к этому делу есть, это я знаю. Вот насчет прозы не скажу. Тут я не силен. Захотел я описать нашего председателя, какой он есть. Ну и пишу: «Высокий, стройный, с умным взором в глазах». А он, может, и высокий, да толстый, как беременная баба. Какая уж тут стройность. Не получается, да и все. – Илья вздохнул. – А насчет стихов – это мне раз плюнуть. Другой раз, поверишь ли, идешь – и вдруг в голову чего стукнет. Приду домой, запишу. Через пятнадцать минут стих готов. А вот грамотность – да-а. Тут мне еще надо над собой работать. Говорил я Вадиму: «Исправь ошибки, а потом деньги и все такое на двоих». – «Некогда», – говорит. Не хочет заработать, что ли? А знаешь, я сегодня стих накатал. Послушай: «Воспоминание о любви».

Стихи были длинные. Когда Илья поинтересовался Гошкиным мнением, Гошка ответил:

– Не знаю. По-моему, непонятно.

– Так это ж стихи, – снисходительно объяснил Илья.

На стане народу было полно, и все занимались разными делами: одни натягивали на колья палатку, другие копали в земле печку, третьи перетаскивали вещи.

Гурий Макарович Гальченко, которого назначили на стан бригадиром, шел с Пятницей по краю поля и недовольно размахивал руками.

– Як тут косылы – нэ поймэш. Тут навесной жаткой, там прыцепной. Тут ни одного валка, тут три валка зразу. Абы скосять.

Потом Павло-баптист привез шефов – рабочих с консервного завода. Шефы сбрасывали на землю вещмешки, чемоданы, матрацы и тащили все это в палатку. Вместе с ними приехал на стан Вадим, который первую машину проспал. Вскочив на ящик с продуктами, Вадим торжественно произнес:

– Приветствую тебя, пустынный уголок!..

– Эй ты, уголок! – крикнул Микола. – Ящик проломишь!

Гурий Макарович собрал шефов в кружок за палаткой и проводил перекличку:

– Знаменский!

– Знаменский, – поправили его.

– Це по-вашему, по-городскому, а по нашему Знаменский, – сказал Гурий Макарович, но в следующей фамилии сделал поправку на городское произношение. – Волынский!

– Волынский, – поправили его.

– А, вас нэ поймэш! – Гурий Макарович махнул рукой. – Буду читать по-своему.

После переклички следовал инструктаж. Инструктаж был кратким и выразительным:

– Ну шо вас тут инструктировать? Це трактор, це комбайн, це копнитель. Прошлый год у нас тут тоже булы городские, так некоторые путалы. Ну, трактор и комбайн вам знать нэ надо, вы будэтэ работать на копнителе. Правильно вин называется чи соломополовокопнитель, чи половосоломокопнитель, вам це тоже знать нэ нужно. Шо вам трэба для работы?

Дви руки, шоб дэржать выла, дви ноги, шоб нажимать на педали. Шо ще? Курыть на копнителе нэ положено, но хто курэ, всэ одно нэ вдэржится. Значить, шо? Курыть осторожно. Прыгать на ходу з копнителя нэ положено, но прыгать прийдэться. Значить, прыгать так, шоб нэ попасты пид колэсо. Всэ ясно? Вопросов нэма? Пишлы розписываться за технику безопасности.

На поле выехали после обеда. Гурий Макарович расставил все семь комбайнов так, чтобы они были на одинаковом расстоянии.

Аркаша Марочкин хотел трогаться первым, но Гальченко его остановил:

– Нэ лизь попэрэд батька в пэкло.

Он еще раз прошел по краю поля, потом поднялся на свой комбайн и поднял руку:

– Поихалы!

И сразу загудели моторы, заработали приводы комбайнов, тронулись с места трактора. Первые метры валков потекли в молотилки.

Илья Бородавка, вернувшись со стана, вспомнил, что видел он за этот день, и написал в своем дневнике:

«Сегодня началась борьба за казахстанский миллиард! Наш бригадир Гурий Макарович Гальченко встал на своем любимом комбайне и своим свежим голосом сказал: «Поехали!» И сердца у всех задрожали в сладостном волнении, будто лопнула в них какая струна. И все закричали «ура».

Илья подумал и дописал:

«А на копнителях с вилами в руках стояли наши дорогие шефы. Они пели веселые песни».

Дальше ничего не получалось.

«Эх, был бы я писатель», – грустно подумал Илья и отложил дневник в сторону.

19

В этот день, когда на стане был Илья Бородавка, произошла некоторая заминка с распределением кадров. Закрепив комбайны за комбайнерами, трактора за трактористами и копнители за приезжими шефами, Гурий Макарович совсем выпустил из виду Вадима. Вадим подошел к нему:

– А мне что делать?

– Тоби? – Бригадир был явно озадачен. – А шо ты можешь робыть?

– Вин на рояли грае, – подсказал Микола.

– Гм... на рояли... От беда. А в мэнэ сим комбайнив и ни одного рояля. Ну, а шо ще ты можешь робыть?

Вадим пожал плечами.

– Вин ще вирши пыше, – подсказал Микола.

– Значить, вирши... Так издательства в мэнэ тоже нэмае. Щось в тэбэ таки спэциальности нэподходящи. А шо, як я тэбэ поваром назначу? Работа дуже проста, интеллигэнтна. Бэрэшь видро воды, видро крупы и жменю соли. Казан е, кизяк е, солярка е. Работай.

Но очень скоро Гурию Макаровичу пришлось раскаться в своей неосмотрительности. Вечером, когда комбайны пришли с поля и все, расхватав алюминиевые миски, кинулись к кухне, оказалось, что никакого ужина нет. Гречневая каша наполовину не доварилась, а наполовину пригорела.

– Шо ж ты так, а? – сетовал Гурий Макарович на незадачливого повара. – Можно ж було воды добавыть.

– Вы сказали – ведро, я ведро и налил. – Вадим был расстроен. Гальченко посмотрел на него и пожалел:

– Ну ладно. А як насчет чаю?

– Чай есть.

– Тягны сюды сахар, масло... Шо ще у нас есть... Колбасу. Хлопцы, сьогодни будэм вэчерять сухым пайком.

– Шо? – возмутился Микола. – Цилый дэнь робылы...

– Мыкола! – Бригадир повысил голос.

После этого случая Гальченко составил график, по которому пищу варили все в порядке очередности. Вадим стал постоянным рабочим по кухне. В его обязанности входило залить котел водой, растопить кизяк, принести, если нужно, продукты.

Однажды очередной повар Степан Дорофеев стоял на кухне и огромной суковатой палкой помешивал кашу в котле. Вадим, кусая карандаш и изнывая от жары, лежал в палатке и сочинял очередное стихотворение. Потом встал и подошел к Степану.

– Хочешь, стихи новые прочту?

– Стихи? А чего ж, валяй, – поощрил Степан. Он оперся на палку и приготовился слушать.

Еще туманы бродят по земле,
Еще не встало солнце за спиною,
Но на комбайне, как на корабле,
Я отправляюсь в плаванье степное.
Пусть от жары в глазах круги рябые,
Дымит земля поземкой ковыля...
Земля, ты – покоренная рабыня,
Я – бог и повелитель твой, земля.

- Ну как?
- Ничего вообще-то. – Степан почесал в затылке. – Занятно. Слышишь, а как это все у тебя получается?
- Что – как?
- Ну вот так, чтоб складно было?
- Не знаю. – Вадим замялся. – Это трудно объяснить.
- Да-а... А зачем это ты все сочиняешь? Трудно небось голову ломать.
- Нелегко. Но, понимаешь, стихи помогают людям жить, работать...
- А-а, работать, – сообразил Степан. – Это я, значит, кашу варю, а ты мне помогаешь?
- И Вадим не понял – то ли Степан шутит, то ли всерьез говорит.

20

Вторую неделю идет дождь. Постоянно, беспрерывно он стучит по брезенту палатки и с шорохом скатывается на раскисшую землю. Дует ветер. В палатке холодно и сыро. Пахнет мокрыми телогрейками и тулупами. Каждый выбирает себе занятие по вкусу. Четверо режутся в домино. Степан Дорофеев и Микола играют в шахматы. У Миколы ангина. Поэтому он перевязал горло серым полотенцем и хрипит на всех, кто задерживается у входа.

Гошка лежит на постели в бушлате и читает книжку.

– Гошка, как ты думаешь, в этом, наверное, есть своеобразная романтика?

Это спрашивает Вадим. Он лежит рядом, натянув одеяло до самого подбородка.

– Что? Романтика? – Гошка долго не может сообразить, в чем дело. – Не знаю, Вадим.

– Ну а зачем же мы тогда сидим?

– Ну как? Ну... нужно так, вот и сидим. Урожай кому-нибудь нужно убирать.

– А-а, урожай.

В первый день дождя, когда сверкали молнии и грохотал гром, все стояли, скучившись, в палатке, а Вадим шатался по полю и пел: «Будет буря, мы поспорим...» Теперь он тоже иногда ходит спорить с бурей, но редко.

– Хорошо бы сейчас домой. Присесть в теплом углу, посмотреть телевизор... Вот почему здесь нет телевидения?

– Будет, – отвечает Гошка. – В том году обещают построить станцию.

– Будет, будет... А знаешь, хорошо бы пойти сейчас в ресторан. В Москве я после стипендии всегда ходил в «Арагви». Там бывают поэты, художники... Да что «Арагви»... Мне бы сейчас стакан газированной воды без сиропа. Ты не хотел бы газированной воды?

– Не знаю. – Гошка пожимает плечами. О газированной воде он просто не думал.

Вадим поднимается и выходит из палатки.

В стороне от палатки выстроились в ряд трактора и комбайны. Возле крайнего трактора возится Аркаша Марочкин. У него заедает сцепление. Пользуясь непогодой, Аркаша решил устранить неисправность.

Каждому поэту хочется, чтоб его слушали. Вадим подошел к Марочкину:

– Аркадий.

– Чего тебе?

– Как сцепление? Получается что-нибудь?

– А чего ж не получится. – Аркаша сплевывает сквозь зубы. – Я ж механик-водитель. Танки, бывало, по кусочкам разбирал. А трактор...

– Аркадий, а у меня и про трактора стихи есть. Хочешь прочту?

Вадим боится, что его не дослушают, и торопится:

Облака лиловые висели,
Полыхали синие ветра...
Вдавливая гусеницы в землю,
Медленно катились трактора.

– Да-а... – Аркаша задумался. – «Вдавливая в землю...» Слышь, Вадим, сбегай к Степану, возьми у него ключ на двадцать два. Скажи, Аркадий просил.

Вот так все. Никто не понимает, никто слушать не хочет. Хоть бы Бородавка приехал, что ли. Вадим приподнимает полог палатки, просовывает внутрь голову:

– Терем-теремок, кто в тереме живет?

– Залази, а то дует, – хрипит из своего угла Микола.

21

В один из дождливых дней Степан Дорофеев, который выходил на улицу по своим делам, вдруг приоткрыл полог палатки и сказал:

– Там кто-то скачет.

– Шо ты мэлэш? – сказал Гурий Макарович.

– Ну посмотрите.

Кто мог тащиться по степи в такую пору да еще верхом на лошади? Любопытство было настолько большим, что даже Микола выскочил из палатки, обмотав вокруг шеи серое полотенце. Он вгляделся пристально в скакавшего от разъезда всадника и удивился:

– Так то ж баба!

– Шо?

– Та ни шо. Баба, кажу.

Это была Лизка. Возле самой палатки она, откинувшись в седле, натянула повод. Лошадь косилась на людей, раздувала ноздри и перебирала тонкими в забрызганных чулках ногами.

– Аркаша! – Лизка спрыгнула с седла чуть ли не в руки любимого.

– Ну, чего ты, – сказал Аркаша, отступая. – Чего приехала?

– Соскучилась, – сказала Лизка, не обращая внимания на посторонних. С рукавов, с капюшона ее брезентового плаща стекала вода. – Ну, чего встал-то? Аль не рад? Веди в свою хату, – она презрительно скользнула взглядом по палатке.

В палатке вытряхнула из складок капюшона остатки дождя, достала из-под полы привязанный к пояску большой узел.

– Вот, – сказала Лизка, развязывая узел прямо у входа, – пирогов тебе напекла. Носки вот привезла теплые. Сама вязала, – подчеркнула она.

Они сели на Аркашину постель. Лизка сняла резиновые сапоги и поджала под себя ноги. Смущаясь взглядов товарищей, Аркаша нехотя жевал испеченный Лизкой пирог.

– Холодно тут у вас, – сказала Лизка.

– Холодно, – подтвердил Степан. – Привезла бы ты лучше милому одеяльце ватное или тулупчик. Знаешь, как говорится: сейчас бы ружьишко, тулупчик и... на печку.

Все засмеялись. Аркаша отложил полпирога в сторону, поднялся.

– Ну, может, ты поедешь? – сказал он почти ласково. – Погостила – и будет.

– Ну и хозяин, – покачала головой Лизка. – Сейчас гулять пойдем. – И потянула к себе сапог.

– Гулять? Дождь на дворе.

– А мне двадцать пять километров ехать – не дождь? Пойдем, не сахарный.

– Ну пойдем, – покорно согласился Аркаша.

– Иди, иди. Она тебя захомутает, – сказал ему вслед Степан, но тут же поперхнулся под колючим Лизкиным взглядом. – Ну и баба! – сказал он, когда она вышла.

Уезжала Лизка перед вечером, когда надвигались тяжелые дождливые сумерки. Она отвязала лошадь от палатки и неловко, по-бабьи, влезла в седло.

Гошка подошел к Лизке и спросил, не передавала ли ему чего-нибудь Санька.

– Нет, не передавала. Но-о! – Она замахнулась на жеребца кулаком, и тот вихрем понес ее по дороге.

22

На другой день по Поповке пронесся слух, что Аркаша Марочкин дал твердое согласие расписаться с Лизкой, как только закончится уборка. Узнала об этом и Тихоновна. И самое обидное было в том, что узнала она об этом через сторонних людей. К тому, что теперь дети не спрашивают родительского благословения и даже не советуются с родителями, она уже привыкла. Но хоть бы сказал! А то приходит выжившая из ума старуха Макогониха и говорит – так, мол, и так. Тихоновна целый день ходила по комнате как неприкаянная, а вечером, когда вышла встречать корову, увидела на улице Лизку.

– Зайди в хату, – приказала она Лизке. – Подожди меня. Я сейчас, только корову в лабаз загоню.

Лизка послушно зашла в дом и сидела там в полутьме, пока не вошла Тихоновна.

– Чего ж свет не включаешь? – сказала она. – Привыкай, хозяйкой будешь.

Щелкнул выключатель, и Лизка зажмурилась от яркого света. Тихоновна села на стул и долго смотрела в упор на Лизку, которая, потупив глаза, нервно перебирала подол шелкового платья. Потом встала, вынула из печи закопченный казанок, налила в тарелку борща, поставила перед Лизкой:

– Ешь.

Сложив на груди руки, опять смотрела на будущую свою сноху. Лизка очень хотела есть, но, боясь показаться обжорой, ела медленно.

– Ты что ж лоб не крестишь? – сурово спросила Тихоновна.

Лизка бросила ложку и в замешательстве поднесла ко лбу сперва правую, потом левую, потом опять правую руку.

– Ладно, это я так, – сказала Тихоновна.

Лизка, оставив для приличия полтарелки борща, отложила в сторону ложку.

– Еще насыпать? – спросила Тихоновна.

– Нет, благодарю.

– Кашу есть будешь?

Лизка промолчала. Тихоновна наполнила тарелку гречневой кашей, бросила сверху кусок масла. Масло таяло и растекалось по миске желтым пятном. Каша пахла так аппетитно, что Лизка, забыв уже о всяких приличиях, уплетала ее за обе щеки, громко чавкала и каждый раз вылизывала ложку.

«Эко жрет», – подумала Тихоновна и еле слышно спросила:

– Значит, вы уже про все договорились?

– А? – очнулась Лизка.

– Договорились, говорю, про все? – повысила голос Тихоновна.

– Ага, – испуганно сказала Лизка.

Тихоновна смотрела на Лизку и долго вздыхала, собираясь с мыслями.

– Ну вот что, Лизавета... – начала она. Она хотела сказать Лизке, что раз уж та окрутила ее единственного сына, раз она отняла его у матери, так чтоб берегла его, чтоб смотрела за ним. И много еще кой-чего хотела она сказать Лизке, но ничего не сказала и вдруг расплакалась. Плакала громко, хлюпая носом.

Лизка, перепуганная и растерянная, отодвинула миску и вышла из-за стола. Она не знала, что делать. То ли успокаивать, то ли уходить.

– Спасибочка вам на угощении, – чуть ли не шепотом сказала она.

Тихоновна подняла к ней заплаканное лицо, что-то хотела ответить, но разрыдалась еще пуще и только махнула рукой.

Лизка пулей выскочила на улицу.

23

В дни дождей Гурий Макарович развлекал подчиненных по-своему: проводил по разным поводам собрания или читки газет, когда приходила почта. Почту привозили вместе с продуктами. Письма получали только шефы-горожане и Вадим. Колхозникам обычно получать было не от кого, да и сами они никому не писали.

Но вот однажды пришло письмо Гурию Макаровичу. Гальченко долго и удивленно рассматривал синий конверт с довольно странным адресом, где после названий области, района и колхоза было написано: «Полевой стан. Бригадиру копнителеев». Обратного адреса не было, но на штемпеле значилось: «Москва».

Сначала Гальченко подумал, что, может быть, это письмо вовсе и не ему, но, придя к выводу, что больше на стане никаких бригадиров нет, решительно распечатал конверт.

– Гурий Макарович, шо там такое? – Микола подошел сзади и заглянул через плечо.

– Нэ лизь.

Он долго читал это письмо, и чем дольше читал, тем больше хмурился и, сдвинув шапку на лоб, скреб затылок черными пальцами. Потом встал и вышел из палатки. Видно, письмо это его сильно озадачило. Степан, сидевший у выхода, видел, как бригадир широкими шагами ходил взад-вперед возле палатки и бормотал что-то себе под нос, чего раньше за ним не наблюдалось.

Через несколько минут он вернулся и приказал коротко:

– Все в кучу!

– Чего, опять собрание? – спросил Брынза.

– Митинг. – Гурий Макарович подождал, пока все устроились – кто на чемоданах, кто на концах матрацев, кто просто на корточках. – Вот тут я получил письмо. Из Москвы. – Гурий Макарович выдержал многозначительную паузу и обвел всех задумчивым взглядом. – Но тут шось такэ напысано, чого я нияк нэ понимаю. Якись така ерунда... Може, вмисти розбэрэмось. Хто у нас самый грамотный? Гошка, в тэбэ среднее образование – читай.

– «Уважаемый товарищ бригадир!

Я, пожалуй, не стала бы Вам писать, если бы не самое серьезное беспокойство за судьбу моего единственного сына.

Вчера я получила от него письмо, из которого узнала, что он два дня болел и с высокой температурой лежал на сырой соломе в дырявой палатке.

Меня уже не удивляет то, что разносторонне одаренный мальчик занимается работой, мягко выражаясь, не совсем интеллектуальной. Меня удивляет невнимательное и, если говорить прямо, бездушное отношение к моему сыну со стороны товарищей и с Вашей стороны в частности. Неужели нельзя было вызвать врача и обеспечить больному нормальный уход? Уж Вам-то следовало об этом побеспокоиться не только из простого человеколюбия (об этом я даже не говорю), но и потому, что Вас к этому обязывает положение руководителя и, как я понимаю, воспитателя своих подчиненных.

Безотносительно к своему сыну хочу Вам сказать, что, на мой взгляд, человек, который пренебрег личным благополучием и всеми удобствами, с которыми было связано его пребывание в Москве, достоин всяческого уважения и внимания. Но немного можно сказать хорошего о людях, которые оставляют своего товарища в беде.

Если Вы пожилой человек и если у Вас есть дети...»

– Ну ладно, – прервал чтение Гурий Макарович. – Тут дальше про мэнэ. Неинтересно. – Заложив руки за спину, он заходил по палатке. – Вот я тут шось ничего нэ понимаю. Якась болезнь...

Впрочем, остальные этого тоже не понимали.

– Про кого це? – удивленно спросил Микола.

– Про кого? – Гурий Макарович сощурился. – А про тэбэ.

– Про мэнэ? Та вы чи, здурилы, чи шо? – Микола даже засопел от негодования.

– Ну а про кого ж? Бач, тут напысано насчет температуры. В кого была температура?

В тэбэ. Значить, про тэбэ и напысано.

Микола засмеялся, и всем стало весело. Все тоже засмеялись.

– Шо смиешься? Тут ничего смишного нэма.

Микола хотел обидеться еще пуще прежнего, но Гурий Макарович незаметно подмигнул ему.

– Эх, Мыкола, на шо ж так матир волноваты? Ну хай тэбэ температура, погани товариши – промовчи. Нэ всэ ж трэба матери пысать! А що до нашей роботы, то як тут про нэи напысано? – Гурий Макарович заглянул в письмо. – Не-ин-тел-лектуальная? Це так. Робота у нас неинте... ну, в общем, нэ така, шо и казать. Но шо робыть? Всэ одно комусь надо и сиять хлеб, и убирать. Вот, може, колы диты наши та внуки повырастають, вывчатся, словамы заграничными, як ты, Мыкола, будуть балакать, тоди... тоди, може, и жизнь друга будэ. Може, и так будэ, шо нажмэшь кнопку – посиялось, нажмэшь другу – убралось, а третю нажмэшь – так и булка в роти... З кремом там, чи з повыдлой... Но зараз такого нэма. Нэма. Вот и прыходыться нам в зэмли отой колупаться. И робота у нас неинте, и сами мы неинте. Общем, гусь свыни нэ товариш.

24

Вадим сам не знал, почему он написал матери о болезни, которой не было. Просто хотелось, чтобы его пожалели, а на что жаловаться – сам толком не знал. Вот написал первое, что пришло в голову. И как глупо все получилось.

После этого Вадим как-то отдалился от всех. Он не решался заговаривать с другими, и с ним тоже никто не заговаривал. Но однажды во время обычного вынужденного безделья Гурий Макарович его подозвал:

– Вадим, ты б рассказав шо-нэбудь.

– А что рассказывать?

– Ну як шо рассказывать? Расскажи, як там жизнь в Москви. Шо там вообще хорошего?

– В Москве все хорошее.

– Чого ж там хорошего? Так же люды живут, як и тут.

– Ну, не так, – сказал Вадим. – Там совсем другие условия. Библиотеки, театры...

– А правда, что в Москве сигналов нету? – спросил Павло-баптист.

– Давно уж.

– Ну, а ежели я, к примеру, еду, а на улице свинья лежит?

– Пидожды ты со своей свынёй, – сказал Гурий Макарович, поморщившись. – Ты, Вадим, мне от шо скажи: в Москве лучше жить, чим тут, так? В тэбэ там своя квартира чи як?

– Своя.

– Ну а в мэнэ своя хата. Яка ж разныця?

– Ну как? У меня в квартире паровое отопление. Ванная...

– Хорошо.

– Уборная...

– Хорошо.

– Телефон.

– А на шо тобі телефон? Кому звонить?

– Ну, например, с товарищем мне надо поговорить.

– Так, хорошо. Ну а ще шо?

– Все, – сказал Вадим. – Хочу я в кино сходить – иду туда, куда мне хочется. Пешком не хожу. Сел в метро или в троллейбус и доехал куда надо. Такси, выставки, музеи – все есть в Москве.

– В общем, в Москви хорошо, а в Поповки погано, так? – спросил Гурий Макарович.

– Ну, я так не говорю... – замялся Вадим.

– Ну а шо, тут ничего такого нэма. Шо погано в Поповки, то погано, я и сам це могу сказать. От дывысь. Утром я встаю, трэба дров наколоть, пичку розтопыть, тут тобі дым, копоть, вся посуда в сажи. Нэ то шо газ. Ты його включив, и вин нэ дымыть, нэ коптыть. У нас такого нэма. Погано? Погано. В бани трэба помыться, сам за водой сходы, сам опять пичку розтопы, поки всэ зробишь, так потом умыеься. Тож погано. Та шо тем казать! Другый раз ночью, извини за выражения, на двир сходыть трэба, та як згадаешь, шо бигты через огород, а на вулыци холодно – витэр, мороз, а ще хуже – грязь, та думаешь: хай воно всэ провалытсь! Шуряк в мэнэ в Кайнарах живэ, було б метро, на метри б доихав, а то пишки хожу. Погано. Трэба Мыколу обматэрить, взяв бы трубочку: «Алло, Мыкола!» А то пока чэрэз усю Поповку пройдэшь, так и зло пропадае. Да. Ну и музеев у нас, конечно, нэма. Погано у нас в Поповки, так?

– Ну так, – неуверенно подтвердил Вадим.

– А вот сказалы б мэни зараз: «На тобі, Гальченко, в Москви квартиру из четырех комнат, на тобі ванну, на тобі телефон» – ни за шо б нэ поихав. Ты Москву за шо любишь?

За ванну та телефон. А шоб в Москви ничего этого нэ було, а було в Поповки?.. А я вот нэ знаю, за шо я Поповку люблю. Всэ наче тут погано, а никуды нэ пойду. Як бы тут Москву построили, то дило другое.

Гальченко помолчал. Вынул из-за уха оставленную «на после обеда» папиросу, помял ее в замасленных пальцах.

– А вообще, Вадим, я тоби вот шо скажу. Наша работа нэ для тэбэ, хочь обижайся, хочь нет. Нэпрывыкший ты до нэи. Мы-то тут с самого детства. Для нас хоть бы шо. А для тэбэ... В общем, тут председатель казав, Бородавку в контору берутъ. Клуб без хозяина остается. Може пойдешь?

– Мне все равно, – сказал Вадим. – Я согласен.

25

На четвертый день после возвращения в Поповку Вадим вывесил в коридоре клуба новую стенгазету. Вечером возле газеты собрались любопытные. Все читали внимательно и смеялись над карикатурами, особенно над той, где верхом на лошади, в буденновском шлеме и с шашкой на боку был нарисован Петр Ермолаевич Пятница. Под карикатурой были такие стихи:

Чтоб вперед работа шла,
Чтоб назад не пятиться,
Переносит он дела
Со среды на пятницу.

Пятница, узнав об этом, приходил в клуб, смотрел и, ничего не сказав, ушел расстроенный.

Когда люди не очень заняты, они не прочь развлечься чем-нибудь.

Читателей становилось все больше. Читатели обратили внимание и на другие стихи, подписи под которыми не было. Но все понимали, что это не Фан Тюльпан.

Аркаша Марочкин, приехавший со стана за продуктами, долго стоял возле газеты и беззвучно шевелил губами. Прочтя стихотворение, он повернулся к Лизке и заметил:

– Протаскивает.

Лизка понимающе сверкнула «фиксой».

Илья Бородавка сидел в бухгалтерии за своим старым, в чернильных пятнах столом и барабанил по нему пальцами, как будто играл на рояле. Илья был очень огорчен тем, что его отстранили от клубной работы, и даже тем, что Вадим не поместил в газете ни одного из представленных им стихотворений. Илья дал себе слово не ходить в клуб и все-таки не выдерживал, несколько раз на дню появлялся в коридоре клуба. Стоя у входа, он ревниво следил за тем, как относятся читатели к творчеству нового заведующего. При этом он чувствовал себя до крайности неловко: в каждом взгляде (во всяком случае, так казалось Илье) сквозили жалость и насмешка. В каждом взгляде он читал: «Что же ты, Илья? Эх ты...»

Но, несмотря на все это, Илья, который был человеком справедливым, понимал, что должность заведующего клубом Вадиму подходит больше.

Вадим посрывал со стен клуба половину плакатов, и от этого ничего страшного не произошло, в клубе стало даже светлее.

Кроме того, Вадим возобновил занятия художественной самодеятельности. По вторникам и четвергам шли репетиции драматического и хореографического кружков. Но особое внимание Вадим уделял вокальным номерам. Ежедневно он репетировал с хором современные песни, а потом отдельно занимался с Санькой. Они оставались в клубе до позднего вечера, и до позднего вечера слышны были звуки рояля и приглушенный двойными стеклами Санькин голос. И по поводу этого ходили по деревне разные слухи. Однако толком никто ничего не знал.

26

– Саня! – осторожно позвали за окном.

Санька отвела занавеску и разглядела желтое от электрического света лицо Вадима.

– Тебе что? – шепотом удивилась она, выйдя к нему. Было около одиннадцати, и Санька уже постелила.

Вадим улыбался умудренно и горько, как человек, у которого есть что сказать.

– Пойдем в степь, – сказал он.

«Пойдем в степь!» Так никто не говорит. Степь была всюду, и по этой причине в нее никто никогда не ходил.

Но Саньке это понравилось, и она сказала:

– Пошли.

Вадим хотел идти мимо правления, но Санька побоялась, что кто-нибудь увидит их вдвоем и мало ли чего подумает.

– Пойдем здесь, – сказала она. – Мне здесь больше нравится.

И они пошли по узкой тропинке к реке.

Перешли по гулкому настилу моста. Было тихо. Мерцали звезды. Если наклониться к земле, можно было рассмотреть вдали чуть просветленную линию горизонта.

– «Пути господни неисповедимы», – с чувством сказал Вадим. Он шел и давился дымом папиросы, считая своим долгом защищать Саньку от комаров. Впрочем, комаров в этот вечер не было.

– Это заглавие? – несмело спросила Санька, ожидая услышать стихи.

Вадим задохнулся, закашлялся и замотал головой:

– Я говорю образно, ты извини. Понимаешь, Саня, мы часто не знаем точки своего назначения. Не щадим себя, жжем топливо, летим на красный свет. А потом, оказывается, нам надо в обратную сторону.

Санька вежливо промолчала. Это было не про нее и про тех, кого она знала.

– Я уезжаю, – сказал Вадим и остановился, посмотрел на Саньку.

– Уезжаешь? А как же репетиция? – спросила Санька, подумав, что Вадим уезжает на стан.

– Репетиция провалилась, Саня. Представление кончилось – я уезжаю домой. Домой, в дом, в те самые четыре стены, которые могут стоять где угодно. Но мои четыре стены стоят в Москве. Я уезжаю в Москву. Ну, что ты молчишь? Дезертирство, да? Малодушие, да? Да, я тряпка. Слунтай! Не выдержал. Осточертело!

– Не кричи на меня, – обиделась Санька.

– Извини. – Вадим понизил голос. – Понимаешь, Саня, Поповка не по мне. И самое главное не то, что она мне не нужна, а то, что я ей не нужен. И стихи мои никому не нужны. Анатолий все время язвит. Аркадий Марочкин думает, что я кого-то протаскиваю. Один поклонник у меня остался – Илья Бородавка. Этот готов молиться на меня. Да что я оправдываюсь? Разве ты не хотела бы в Москву? Не хотела бы, скажи?

– Не знаю, – тихо сказала Санька.

– Не знаешь? А я знаю. Тебе смешно, когда я говорю: «Точка моего назначения». Я так привык говорить. Так вот, точки нашего назначения совпадают. Ты тоже не нужна Поповке. Ты хорошо поешь, у тебя природные способности, а ты сидишь на своей паршивой стройке и камушки перебираешь. Ты же здесь пропадешь. Разве тебе не страшно?

Было тихо и звездно. Санька наклонилась к земле и увидела вдали чуть просветленную линию горизонта.

– Нет, мне не страшно, – сказала она. – Как все, так и я.

– Да, но это всё обыкновенные люди.

– А кто необыкновенный? По-моему, необыкновенных людей нет.

– Все зависит от точки зрения, – сказал Вадим. – Но ты подумай. Вот ты работаешь на стройке. Ты делаешь простую, но тяжелую работу, которую другой на твоём месте мог бы делать лучше. Эту работу может делать любой. А вот петь, как ты, может не каждый. Человека по-настоящему ценят тогда, когда он что-нибудь умеет делать лучше других. Даже если он занимается прыжками в высоту, от которых никому никакой пользы нет. И каждый должен поднимать планку до тех пор, пока окончательно не убедится, что ни на полсантиметра выше он уже не прыгнет.

– Ты опять говоришь образно? – вежливо спросила Санька.

– Да, я опять говорю образно. Я, наверно, всегда буду говорить образно и потому смешно. Даже в этом я донкихот. Я... Ты куда, Саня?

– Домой. Спать пора, – сказала Санька.

27

Так получилось, что с наступлением хорошей погоды Гошку отозвали со стана возить картофель из Поповки в Актабар. Первые две машины он отвез по накладным на какую-то овощную базу, а третью машину нагрузили картошкой для детского сада.

Тюлькин, закрывая основной склад, где хранились сало, масло, сахар и другие ценные продукты, сказал стоявшему рядом дяде Леше:

– Вот я тебя уже знаю досконально. Ведь небось опять ночью дрыхнуть будешь?

– А как же? – удивился дядя Леша. – Ночь для того человеку и дадена, чтобы спать. Кто ж ночью не спит? Филин разве.

– «Фи-илин». – Тюлькин протянул через отверстие в специальной фанерке два шнура, залепил их пластилином и разровнял пластилин большим пальцем. – «Фи-илин», – повторил он, вдавливая в пластилин бронзовую печать. – Пломбу кто-нибудь сорвет, будет тебе филин. Склад не приму.

– Не сорвут. У меня вот соль. – Дядя Леша похлопал по висевшему за спиной ружью.

Тюлькин махнул на него рукой и пошел к машине.

– Я тоже поеду, – сказал он Гошке.

Завскладом всю дорогу острил, рассказывал «медицинские» анекдоты и вообще вел себя так, как будто между ним и Гошкой никогда ничего не происходило и они всегда были лучшими друзьями. Когда доехали до города, Тюлькин стал показывать, куда надо ехать.

– Вот сюда свернешь. Так. Теперь налево. Прямо. Вон видишь ворота. Это и есть детский сад.

Тюлькин вылез из машины и, разминая ноги, не спеша пошел в маленькую калиточку. Вскоре он вернулся с молодой полной женщиной.

– А мы думали, вы уж не приедете, – сказала женщина, отпирая ворота.

– Как – не приедем? Раз Тюлькин сказал – значит, точка.

Женщина отперла ворота. Тюлькин стал на подножку. Остановились у правой стороны дома. У крыльца высокий мужчина в голубой майке, охая и крикая, колол огромные поленья. Увидев машину, всадил в полено топор и, торопясь, пошел навстречу.

– Чего ж поздно-то? – хмуро спросил он.

– Где ж поздно, Петя? У нас рабочий день еще не кончился.

Картошку носили по узкой крутой лесенке в сырой, пропахший плесенью подвал. Тюлькин покрутил носом:

– Смотри, сопреет она здесь.

– Не твоя печаль, – сказал Петя.

Потом он пригласил гостей в дом. Заведующая детсадом и ее муж занимали в доме две комнаты. В первой комнате было тесно от мебели. Слева стоял большой книжный шкаф.

– Все покупаешь книжечки, – усмехнулся Тюлькин.

– Читаем, – сказал хозяин и вышел из комнаты.

Вошла хозяйка и поставила на стол горячую сковороду с яичницей и картошкой. Следом за ней Петя внес две запотевшие бутылки и тарелку с огурцами. Хозяйка вынула из шкафчика три граненых стакана.

– Я пить не буду, – сказал Гошка.

– Чего это? – удивился хозяин. – Больной, что ли?

– Человек за рулем, – пояснил Тюлькин.

– Твое дело.

– В Бельгии придумали такие машины, – сказал Тюлькин, – что, если от шофера водкой пахнет, она не едет.

- А если кто рядом с шофером сидит выпивший? – спросила хозяйка.
- Будем живы-здоровы, – перебил Петя глупые речи жены и поднял стакан.
- Дай бог не последнюю, – поддержал Тюлькин.
- Поехали, – заключил хозяин.

Тюлькин долго морщился и с ожесточением нюхал черную корку.

Гошка вышел на улицу. Он завел машину и, выехав за ворота, стал ждать. Уже стемнело. Небо было звездное, без луны. Посреди двора висела на столбе под эмалированной шапкой неяркая лампочка. Она освещала двор, угол сарая и крыльцо заведующей детсадом. В доме слышался шум. Тюлькин пытался спеть «Вот кто-то с горочки спустился», но громкий голос хозяина каждый раз перебивал его. «Так они до утра пропоют», – подумал Гошка. Он придавил ладонью кнопку сигнала. Сигнал был слабый, хриплый, и в доме его, вероятно, не слышали. Гошка хотел было идти за Тюлькиным, но в это время дверь распахнулась и Тюлькин вместе с хозяином вышли на крыльцо. Тюлькина шатало из стороны в сторону. Хозяин тоже изрядно выпил, однако равновесие сохранял. Он даже поддерживал гостя, помогая ему сойти с крыльца. Тюлькин поочередно спускал со ступенек то левую, то правую ногу и молот несурзное.

– Кто Тюлькин? – вопрошал он. – Ты Тюлькин?

– Ты Тюлькин, – успокаивал гостя хозяин.

– Ну а раз я Тюлькин, то скажи, друг я тебе или нет? Скажи, Петя, друг тебе Тюлькин или портянка?

– Друг, друг, – уверял Петя, но целовать себя не давал.

Они подошли к машине. Тюлькин сел на подножку и хотел петь песни.

– Тише, Коля, – сказал хозяин, – там на углу милиция.

– Милиция! – обрадовался Тюлькин. – А что мне милиция? Я сам себе милиция.

– Оно, конечно, так, – согласился хозяин. – Но чтоб не было неприятностей.

Он наклонился к Тюлькину и что-то сказал ему на ухо, от чего тот как будто на миг протрезвел и полез в кабину.

– Гошка, ты здесь?

– Здесь, здесь он, – сказал хозяин. – Ты смотри, Георгий, не вырони его по дороге.

– Никуда не денется, – сказал Гошка, выжимая сцепление.

Фары с трудом разрывали густой сыроватый воздух, и дорога черной лентой ложилась под колеса. По обе стороны ее стояла непроглядная темнота, только изредка на фоне темного неба вырастали призрачные конические очертания сопки. Далеко в степи помигивали огоньки. Это работали комбайны.

Через несколько километров Гошка свернул в сторону и погнал машину по сырой траве, по едва заметному автомобильному следу. След шел по небольшому склону, машина все время кренилась влево, и Тюлькин валился на Гошку, мешая править. Гошка время от времени отталкивал Тюлькина плечом, но он был тяжелый, не давался и хватался за рычаг скорости. Но потом дорога сошла со склона, и Тюлькин стал валиться вправо. «Откроет дверцу – вывалится», – подумал Гошка. Он затормозил и, обойдя машину спереди, закрыл дверцу на ключ. Тюлькин проснулся.

– Гошка, ты?

– Я.

– А... а куда... ты меня везешь?

– В Поповку.

– В Поповку? А... поворачивай обратно, – он схватился за руль.

– Пусти!

– Поворачивай. У меня... в городе... баба осталась. Я у ней ночевать хочу. Поворачивай.

– Я тебе сейчас как повернусь, – сказал Гошка. – Сиди смирно.

Тюлькин отодвинулся, посмотрел на Гошку и вдруг захохотал:

– Опять по... по морде дашь, опять! Ой, не могу! – стонал Тюлькин. – Как ты меня тогда двинул. Ой, смешно-то! Слушай, – сказал он, перестав смеяться, – а этот-то, он хитрый. На сотню меня надул.

– Кто надул? На какую сотню?

– А ничего... ничего... – Тюлькин помолчал. – Слышишь, Гошка, а баба-то твоя, Санька, спуталась с этим... с Вадимом.

– Что-о? – Гошка затормозил. – Ты что, пешком хочешь идти?

Тюлькин испуганно отодвинулся в угол.

– Да я чего... Я ничего, – забормотал он как сквозь сон. – Вся деревня знает. Кого хочешь спроси...

– Заткнись!

Высадив Тюлькина возле его калитки, Гошка поехал домой и по дороге вспомнил бессвязные слова Тюлькина о каких-то деньгах. Какие деньги? И вдруг понял: картошка, которую они отвезли в город, не для детского сада, Тюлькин продал эту картошку. Гошка резко развернул машину и остановил ее возле низкого заборчика. За заборчиком светилось окно. За окном сидел Анатолий.

Гошка постучал.

– Гошка?! Ты чего? – Анатолий открыл окно.

– Давай сюда.

– Сейчас обуюсь.

Он вышел в сапогах и в нижнем белье.

Потом они долго разговаривали в кабине. Гошка рассказал ему о Тюлькине и картошке. Анатолий посоветовал Гошке завтра же пойти к председателю.

– А то мало ли чего! Втянет тебя Тюлькин в какую-нибудь историю. – Анатолий открыл дверцу.

– Подожди. Понимаешь... Мне Тюлькин про Саньку что-то наговорил. Врет, конечно. Но все-таки...

Анатолий ответил не сразу:

– Знаешь, Гошка... Я тебе не хотел говорить... Не врет Тюлькин. Санька уезжает.

– Уезжает? Куда?

– В Москву за песнями.

28

А дело было так.

О своем разговоре с Вадимом Санька рассказала Лизке. Голова Лизки была занята мыслями о предстоящем замужестве, и Лизка, не разобравшись толком, решила: Санька уезжает с Вадимом учиться на артистку. Об этой новости Лизка рассказала Полине Тюлькиной, та передала это Пелагее Бородавке, Пелагея – Яковлевне, а той только скажи!

Яковлевна стояла у колодца и, размахивая пустым ведром, говорила:

– Пишла я утречком корову выгонять. Ще остановылась, думаю: чи Иван до Каражар погонэ стадо, чи до Кайнашив. Дывлюсь: Санька со стэпу идэ, а за нэю Вадим...

Бабы, окружив Яковлевну, молча вздыхали и осуждающе покачивали закутанными в платки головами: нехорошо.

Через два дня все в Поповке знали, что Санька с Вадимом уезжает в Москву.

Сама Санька узнала об этом позже всех.

Так вот почему Гошка не здороваается с ней! Вот почему, когда она пытается заговорить с ним, он молча проходит мимо!

Что же делать? Посоветоваться с Лизкой? Но что может посоветовать Лизка? «Я ему докажу», – подумала Санька и направилась к дому Яковлевны. Что она ему докажет и как докажет – Санька пока не знала.

29

Гошка стоял на улице возле калитки и курил. Капля упала на кончик сигареты и потушила ее. Пошел дождь.

Гошка вернулся в хату, одетый упал на кровать и, не снимая сапог, положил ноги на табуретку. Яковлевна, вытаскивая из печки казанок с борщом, посмотрела на Гошку неодобрительно и что-то проворчала себе под нос.

– Яковлевна, – попросил Гошка, – сбегай к продавщице, принеси пол-литра.

– Пол-литра? – удивилась Яковлевна и поставила казанок обратно в печку. Она долго думала, что бы это значило, потом сказала нерешительно: – Так вона ж тэпэр дома нэ продае. Як ото рэвизия була... Ще прыизжаи такой товстючий мужчина...

– Яковлевна, сходи. А я тебе завтра сено перевезу.

– Зараз, – тут же согласилась Яковлевна. Закутавшись в платок, она вышла из хаты.

До дому продавщицы было ходу не больше пяти минут. Пять туда, пять назад, пять на разговоры. Прошло пятнадцать минут – Яковлевны не было.

В дверь постучали. Гошка не пошевелился. Дверь заскрипела, и через зеркало он увидел, что в комнату просунулась голова Саньки, покрытая мокрой газетой.

– Можно?

Гошка вытащил из кармана сигарету и спички. Закурил.

– Гоша, мне надо с тобой поговорить.

– Поговорить? – Он стряхнул пепел. – Поговорить можно. Сейчас как раз такое время: дождь, делать нечего.

– Гошка, я знаю, что обо мне рассказывают...

В это время вошла Яковлевна. Покосившись на Саньку, она поставила бутылку на стол и положила сдачу – рубль с мелочью.

– Вот видишь, Яковлевна, я же знал, что у меня будут гости. – Гошка встал, подошел к буфету. – Так что про тебя рассказывают?

Санька посмотрела на Яковлевну и промолчала. Яковлевна дипломатично удалилась, однако не очень далеко, чтобы не пропустить чего-нибудь в этом любопытном разговоре.

Гошка достал два стакана, тарелку с солеными огурцами, кусок хлеба.

– Садись, пить будем.

Санька стояла.

– Ах да, ты не пьешь. Ну тогда я пить буду.

Он поднес стакан ко рту. Запах водки ударил в нос. Гошка поморщился и хотел поставить стакан, но Санька стояла рядом. Гошка задержал дыхание и выпил всю водку залпом.

– Значит, поговорить? Это интересно. Правда, поздновато уже. Спать чего-то хочется, – Гошка потянулся. – Может, в другой раз, а? Или лучше так: ты мне напишешь письмо, я тебе отвечу, будем переписываться.

– Значит, ты не хочешь со мной говорить? – Глаза Саньки были полны слез. Она рванулась к дверям, но тут же остановилась. – Я ухожу, – тихо сказала она.

Гошка, не оборачиваясь, ткнул вилкой в огурец.

– Я ухожу, – нерешительно повторила Санька.

– Ах да... Тебя проводить? Желаю удачи. Заходи как-нибудь еще.

Выскочив из комнаты, Санька изо всей силы хлопнула дверью. Гошка долго смотрел на дверь, потом подошел к кровати и, уткнувшись в подушку, заплакал тихо и беспомощно, как плачут больные дети.

Яковлевна, изумленная, постояла в дверях, потом на цыпочках подошла к столу и унесла недопитую водку в буфет.

На другой день Санька не вышла на работу. Не дождавшись ее, Лизка решила зайти к ней домой, узнать, в чем дело. Посреди комнаты на табуретке стоял раскрытый чемодан. Санька укладывала вещи.

– Ты чего это? – спросила Лизка.

– Что?

– Ну вот это. – Лизка показала глазами на чемодан. – Уезжаешь, что ли?

– Уезжаю, – хмуро сказала Санька.

– Значит, едешь? – Лизка вздохнула. – С Вадимом, значит?

– А хоть бы и так, – не оборачиваясь, сказала Санька. – Тебе-то что?

30

На общем собрании Тюлькин признался, что продал машину картошки спекулянту из города. Но, сказал Тюлькин, это было с ним в первый раз и он возместит колхозу стоимость проданной картошки. Ему поверили и решили дело в суд не передавать. На собрании решено было в ближайшие дни провести на складе ревизию.

Когда комиссия, выделенная для этой цели, подошла к складу, оказалось, что на дверях нет пломбы. Очевидно, сорвал кто-то ночью во время дежурства дяди Леша. Тюлькин принимать склад отказался. Дядя Леша переминался с ноги на ногу и, время от времени поправляя висевшее за спиной ружье, растерянно хлопал покрасневшими веками.

Часа через два приехали в Поповку два милиционера с собакой. Синяя с красной полосой машина стояла возле правления. Пожилой старшина-казах разговаривал с председателем. Молоденький, с черными усиками сержант держал овчарку на поводке и охотно рассказывал:

– Ведь это собака ученая. Полтора года на курсах была. Кого хошь поймают.

– А мясо ей дать – будет есть? – спросил Аркаша Марочкин.

– Что ты! – Милиционер снисходительно посмотрел на Аркашу. – Да ведь она ученая.

У ей и медаль по этому делу есть.

– А если конфету? – спросил Анатолий. – Будет?

– Нипочем не будет. Тоже сказал – конфе-ету.

Видно, сержант не терпел невежества.

Анатолий вынул из кармана шоколадку и, сняв обертку, бросил конфету собаке. Собака, лягнув зубами, поймала ее на лету.

– Цыц! – крикнул милиционер, но было уже поздно. Собака благодарными глазами смотрела на Анатолия.

Старшина, кончив разговаривать с председателем, подошел к сержанту и взял из его рук поводок. Он подвел собаку к дверям. Обнюхав дверь, собака бросилась в поле. Держась за поводок, старшина неуклюже бежал за ней.

Возле склада собирался народ. Люди насмешливо смотрели, как милиционер с собакой кружит по полю, а когда они повернули назад, Анатолий сказал сержанту:

– Ученая! Так и я бегать умею.

Сержант промолчал. Старшина и собака вернулись. И вдруг неожиданно для всех собака бросилась на Тюлькина. Старшина оттянул ее к себе и, быстро надев намордник, снова отпустил. Собака уперлась передними лапами Тюлькину в грудь, рычала и даже через намордник пыталась ухватить его за горло.

– Ты срывал пломбу? – грозно спросил запыхавшийся старшина.

– Я, – бледнея, признался Тюлькин.

Его посадили в машину.

– Он, понимаешь, зря признался, – пояснил молоденький милиционер, запирая снаружи дверцу. – Собака так и так должна была на него броситься. Ставил-то пломбу он.

31

Анатолий и Гошка шли по берегу Ишима. Дул холодный, порывистый ветер. Возле моста, стоя на большом плоском камне, голый по пояс, умывался Вадим. Он изображал из себя закаленного человека.

– Слушай, – сказал Гошке Анатолий, – почему бы тебе не дать этому, который в шахте потел, по шее?

– Зачем?

– За Саньку. Или просто из любопытства. Посмотреть, как это ему понравится. Надо ж ему знать, что иногда можно получить по шее. Пойдем? Я помогу.

– Да нет уж, не надо.

– Ну тогда я пойду один.

– Как хочешь. – Гошка повернул к дому.

Когда Анатолий подошел к мосту, Вадим уже умылся и растирал загорелую грудь мохнатым полотенцем. Анатолий подошел ближе.

– Приветствую тебя, пустынный уголок, – сказал он Вадиму.

– Привет.

– Ну как жизнь?

– Хорошо. – Вадим поежился и накинул полотенце на плечи. Кисточки бахромы затрепетали на его закаленной груди. – Ветер.

– Ничего, мне не холодно, – успокоил его Анатолий и застегнул верхнюю пуговицу телогрейки. – Значит, уезжаешь?

– Уезжаю, – сказал Вадим и сделал шаг в сторону дороги. – Извини.

– Ничего, я не тороплюсь, – сказал Анатолий, загораживая дорогу, – приятно иногда поговорить с образованным человеком. Между прочим, я сейчас советовался с Гошкой, дать тебе по шее или не надо. Мы решили, что один раз можно.

– Да? – Щеки Вадима стали принимать зеленоватый оттенок, но сам он держался довольно спокойно. – За что, если не секрет?

– Не секрет, – сказал Анатолий. – Ты что девке мозги крутишь? Куда она поедет? Что ее там ждет?

– Да я разве ее заставляю? Я ей дал совет, и ее личное дело, выполнять его или нет. По-моему...

– Ну что по-твоему? Сам не можешь здесь жить, так другим не мешай. Зачем ты сюда приехал?

Вадим задумался.

– Ну, видишь ли... мне кажется... Я приехал сюда... чтобы делать здесь то, что все. И ты, и я, и Гошка. Все мы здесь делали одно общее дело, и никакой разницы в этом между нами нет.

– Есть разница, Вадим, – сказал Анатолий. – Разница в том, что ты приехал сюда опыт получать, а мы здесь живем. Понял? – Неожиданно для себя самого он повысил голос: – Ты думаешь, я не знаю, как ты делал это общее дело? Я и про письмо знаю.

– С чем тебя и поздравляю. – Вадим криво улыбнулся.

Анатолий подступил ближе к Вадиму.

– Слушай, ты... – сказал он ему. – Я тебе не Гошка. Я больной, я нервный, у меня справка есть.

Вадим что-то хотел сказать, но в нужных случаях он умел быть благоразумным.

– В другой раз приходи умываться в тулупе! – крикнул вслед ему Анатолий. – Поговорим.

32

В воскресенье утром Гошка сидел у окна и видел, как к правлению подъехала машина. Это Анатолий собрался везти колхозников на базар. Со всех сторон с мешками и кошелками к машине торопились женщины. Потом подошли Санька и Вадим. Вадим сначала забросил в кузов чемоданы, а потом посадил Саньку. Прибежала Лизка. Она стояла возле машины, что-то говорила Саньке и время от времени проводила рукавом по лицу – должно быть, плакала.

Когда машина тронулась, Лизка долго еще стояла на дороге и махала рукой.

В это время в комнату вошла Яковлевна.

– Там шо робыться, шо робыться, – сказала она, стаскивая с головы платок. – Вен вэщи описують. Стоить Сорока...

– Что? Чьи вещи?

– Та я ж кажу: Тюлькиных. Стоить Сорока, всэ пыше, пыше. Всэ, каже, конфискуемо. Будэм, каже...

Гошка схватил в руки бушлат, поискал глазами шапку, но, не найдя ее, махнул рукой и выбежал на улицу.

Возле хаты Тюлькина стоял самосвал Павла-баптиста. Сам Павло в надвинутой на уши кожаной фуражке сидел в кабине и смотрел, как двое колхозников пытались втащить в кузов объемистый и тяжелый пружинный матрац.

– Осторожней, а то борт пошкрябаете! – Павло выгнулся из кабины и еще глубже натянул на голову фуражку.

Гошке попался навстречу Микола, который вытаскивал спинки от кровати. В хате было еще несколько колхозников во главе с Сорокой. Сорока, раскрыв на подоконнике ученическую тетрадку, писал толстой авторучкой: «Опись имущества гр. Тюлькина Н. А.» Ручка писала плохо, Сорока встряхивал ее, разбрызгивая по крашеному полу зеленые чернила.

В соседней комнате безнадежно голосили Макогониха и Полина. Гошка подскочил к Сороке:

– Ты что делаешь? Зачем это?

– А я не знаю, – флегматично ответил Сорока, – мне что сказано, то я и делаю.

Услышав Гошкин голос, из соседней комнаты выскочила Полина. Она была в одной рубашке, распатланная. От злости Полина даже плакать перестала. Виновником всего она почему-то считала Гошку.

– Ага, прийшов! – закричала она, раздувая ноздри и нелепо размахивая руками. – Прийшов, да? Выслужився? На вот тоби! – Гошке в руки полетело зеленое плиссированное платье. – Може, ще шо-нэбудь визьмэш? Може, шифанер тоби дадут?

Гошка держал в руках легкое платье и смотрел, как бьется на покрасневшей шее Полины голубая жилка. Потом неожиданно сорвался с места и, швырнув в сторону платье, бросился к выходу.

Петр Ермолаевич Пятница болел. Возле кровати на стуле лежали какие-то порошки, стоял стакан воды. На спинке стула висел черный с потертым воротником пиджак. На левом борту пиджака – орден Красного Знамени с облупившейся местами эмалью.

– Лежите?! – закричал Гошка, врываясь в комнату. – Там у людей вещи описывают, а вы лежите и ничего не знаете!

– Погоди, погоди, не кричи, – поднимаясь на подушке, сказал Пятница. – Во-первых, на больных и старых не кричат. Во-вторых, я все знаю, и нечего паниковать.

– Знаете?.. – Гошка растерялся, посмотрел на вспотевшую лысину председателя, на пиджак, на облупившийся орден. – Как же так, Петр Ермолаевич? – совсем тихо спросил он. – Знаете и лежите!

– Ты, Георгий, не смотри на меня так, – сказал Пятница, опуская глаза. – Тут дело серьезное. Я звонил в район. Говорил со следователем. Понимаешь, Тюлькин сам признался, что наворовал в колхозе тысяч на пятьдесят. Следователь говорит, что по суду вещи все равно конфискуют. Вот я и решил описать все это, пока Полина не припрятала.

– Петр Ермолаевич, а разве семья виновата, что Тюлькин – вор? Разве они должны за него отвечать?

– Ну, тут трудно сказать, кто за кого отвечает. Тюлькин ведь деньги домой приносил.

– Какие деньги он приносил? Вы ведь сами знаете, что у него баба была в городе. Да и пил он.

– Ну ладно, Яровой, – рассердился председатель. – Нечего нам тут с тобой антимонии разводить. Я знаю одно – раз человек украл, с него надо получить. Вот так.

– Ну как же...

– Не знаю, Яровой, ничего не знаю. На то есть законы, которые все мы должны выполнять.

Гошка посмотрел председателю в глаза, повернулся и, сгорбившись, пошел к выходу. Он уже взялся за ручку двери, но остановился:

– Петр Ермолаевич!

– Да?

– Петр Ермолаевич! – Гошка вернулся. – Вот вы часто рассказываете про Первую Конную. А если бы там так делали?

Пятница приподнялся в постели.

– Ты, Георгий, мне в душу не лезь, – сказал он хмуро. – Тоже заладил: в Первой Конной, в Первой Конной. Много ты понимаешь. Молод еще. Глуп.

Гошка ничего не ответил и опять направился к выходу.

– погоди, – сказал Пятница.

Гошка остановился.

– Пойди-ка сюда. – Председатель посмотрел ему в глаза. – А может, ты и не глуп. Может, это я... не понимаю чего-то. Чего-то путается в голове... Старею, что ли... Ладно, Георгий, сейчас пойдем разберемся.

Пятница взял со стула брюки и просунул в них белые худые ноги.

33

Всю ночь шел снег. Но никто этого не знал. Люди спали, и снились им разные сны. А утром проснулись, выглянули в окошки и увидели – первый снег.

Утром прибежал Анатолий. В зимней шапке, с фотоаппаратом через плечо.

– Гошка, вставай! Пойдем фотографироваться.

Он тормозил Гошку до тех пор, пока тот не поднялся. Достал из шкафа тщательно отутюженный костюм. Анатолий нетерпеливо ожидал, пока Гошка оденется.

– Да кто ж так галстук повязывает! В Москве сейчас тонкие узлы носят. Ну чего ты опять хмуришься? Подумаешь – уехала девка. Ну и уехала, другую найдешь. Сама ведь она виновата.

– Сама... А знаешь, что мне Лизка вчера сказала?... Все это брехня. Ничего у Саньки с Вадимом не было. И вообще она не с Вадимом уехала, а в свой город, к родным.

Они вышли на улицу. Все было в снегу – поля, крыши, стога сена.

Фотографировали друг друга сначала у речки, потом возле мельницы, напоследок дома.

А вечером пошли они в клуб. В клубе играла радиолоа, кружились пары. Илья Бородавка сидел один в библиотеке и подбирал пластинки. Вступив в прежнюю должность, Илья снова задвинул в угол рояль и положил на крышку табличку «Руками не трогать». Но больше ничего менять не стал. Илья понимал, что сравнения с Вадимом ему не выдержать, и все-таки был несказанно обрадован тем, что клуб снова в его распоряжении. Кроме того, была у Ильи еще одна радость, которой он тут же поспешил поделиться с Гошкой:

– Слышь, Гошка, Пелагея-то моя ездила в город. А врач ей сказал: «Вы, говорит, на втором месяцу». На втором месяцу, – повторил Илья и кашлянул в кулак, должно быть, от смущения.

Они снова вернулись в клуб и долго смотрели на танцующих. Аркаша Марочкин, одетый в новенькое полупальто, кружил раскрасневшуюся от счастья Лизку. Только позавчера они расписались, и на заседании правления было решено дать им полдома. Правда, Лизка хотела получить целый дом, но из этого ничего не вышло.

В перерыве между двумя танцами Лизка подошла к Гошке:

– Гошка, председатель сказал, что ты завтра со мной в город поедешь. Там гардеробы по тыще двести я видела.

– Ладно, – сказал Гошка, – съездим.

– Ну вот и хорошо, – обрадовалась Лизка. – Значит, прямо утречком и подъезжай. Четвертый дом от краю.

– Знаю, – сказал Гошка и подошел к Анатолию: – Пойдем домой.

– Побудем еще немного.

– Да чего тут делать? Пошли.

Вышли на улицу. Было совсем темно. Сквозь разрывы в облаках редкими кучками млели звезды. Гошка включил фонарик, и по снегу запрыгал широкий, едва заметный желтый круг.

– Надо сменить батарейку, – сказал Анатолий.

Гошка не ответил. Они шли, и каждый думал о своем.

– Ты, Гошка, я думаю, смог бы, – неожиданно сказал Анатолий.

– Что – смог бы?

– Подвиг совершить.

– Подвиг? Нет, наверно, не смог бы. – Гошка вспомнил, что когда-то об этом же его спрашивала Санька. – Где уж, – вздохнул он. – Даже с Санькой быть человеком не смог. А тут...

Возле дома Ильи Бородавки они попрощались, и Гошка один пошел домой.

– Стой! Кто идет? – грозно окликнули его возле склада.

Дядя Леша стоял у самых дверей и держал ружье наготове.

– Это я, дядя Леша, – сказал Гошка, подходя. – Стоишь?

– Стою, – неохотно сказал дядя Леша. – При бломбе стою.

– Я около тебя посижу здесь, ладно?

Дядя Леша заколебался, но отказать не посмел:

– Посиди, чего уж.

Гошка смахнул со ступеньки снежок и сел.

– Слухай, Гошка, – нарушил молчание сторож, – вот если баба моя в пятьдесят годов работу бросила, пенсию ей будут платить? Ты не узнавал?

– Не узнавал, – сказал Гошка. – Дядя Леша, от тебя Яковлевна никогда не уходила?

– Уходила? Как это – уходила?

– Ну, может, ты ее обидел когда.

– Обидел? Зачем мне ее обижать? Ну бывало, конечно, в молодости, побьешь по пьяному делу, а чтоб обижать – нет, не обижал я ее.

– Ну ладно. – Гошка встал. – Пойду спать.

34

Основные работы в колхозе давно закончились, но на току еще шумели автопогрузчики и зернопульты. Колхозники счищали с буртов пшеницы тонкий слой снега и грузили зерно на машины.

Прямо с элеватора Гошка подъехал к хозяйственному магазину, где его ожидали Лизка и Аркадий. Они купили только шифоньер, а диван, который продавался в магазине, Лизке не понравился: он был без зеркала. А еще Лизка купила на базаре матерчатый коврик, на котором были изображены непроходимые джунгли и полосатый тигр с оскаленной пастью. Лизка показала коврик Гошке.

– Ничего. Хорошо бы еще сюда лебедя, – пошутил Гошка.

– Так тут же тигра. Она его съест. Картины понимать надо, – укоризненно заметила Лизка. – Слышь, Гоша, а я тут на почту ходила...

– Ну и что?

– Да ничего. Письмо от Саньки получила.

– Письмо? Что ж она пишет? – Гошке хотелось показать, что письмо его мало интересует, но это ему не удалось.

– Чего пишет-то? Да так... ничего особенного. Ребят, говорит, у нас много, и все больше летчики да инженера. – Лизка посмотрела на Гошку и пожалела. – Ладно, так просто, для шуток. Ты бы ей написал письмо – может, вернется. На вот адрес.

Лизка оторвала нижнюю часть конверта и подала Гошке. Гошка положил адрес в карман гимнастерки. Потом он открыл задний борт и влез в кузов, а Аркаша подавал ему шифоньер снизу. Шифоньер был тяжелый, дубовый, и Аркаша никак не мог его осилить. Лизка, скрестив руки на груди, стояла в стороне и командовала:

– Да ты его споднизу, споднизу бери!

– Ты лучше подсобила б, – хмуро заметил Аркадий.

– Мне нельзя тяжелое подымать, я женщина, – сказала Лизка.

Когда шкаф был погружен, Гошка получил последние указания:

– Гошка, ты там это... разгрузишь с кем-нибудь, а мы тут еще походим по магазинам.

Лизка взяла Аркашу под руку и повела по улице.

Гошка вынул из кармана обрывок конверта и еще раз посмотрел на адрес, который был написан Санькиной рукой. Значит, она и правда ни в какую Москву не поехала. Может, еще вернется...

Было тепло. Таяло. Следы автомобильных колес пожелтели. Гошка остановил машину возле дорожного щита, что стоял на обочине, и, подойдя к нему, долго смотрел на прямые крупные буквы, которыми было написано одно слово:

«ПОПОВКА».

Потом нашарил в кармане угловатый осколок мела и написал внизу:

«МЫ ЗДЕСЬ ЖИВЕМ. Г. ЯРОВОЙ».

Впереди послышался шум моторов. Гошка посмотрел на свою надпись и стер ее рукавом. Шум нарастал. По дороге в сторону Актабара шли машины, груженные хлебом.

Хочу быть честным

*Мой друг, мой друг надежный,
Тебе ль того не знать:
Всю жизнь я лез из кожи,
Чтобы не стать, о Боже,
Тем, кем я мог бы стать...*

(Генри Лоусон, австралийский поэт)

1

Каждое утро без четверти семь на моем столе звонит будильник, напоминая мне о том, что пора вставать и идти на работу. Ни вставать, ни идти на работу я, естественно, не хочу. На дворе еще ночь, и забрызганное дождем окно едва видно на темной стене. Я дергаю шнур выключателя и несколько минут лежу при свете, испытывая первобытное желание чуточку подремать. Потом опускаю на пол ноги – сначала одну, потом другую. С этого момента начинается медленный процесс превращения меня в современного человека.

Сначала я сижу на кровати и, бессмысленно глядя в какую-то неопределенную точку на противоположной стене, почесываюсь и вздыхаю, широко раскрывая рот. Во рту противно, в груди клокочет – должно быть, оттого, что я слишком много курю. Болит сердце. Вернее, не болит, просто я чувствую его. Кажется, что под кожу вложили круглый булыжник. Если бы кому-нибудь со стороны посчастливилось наблюдать меня в эту минуту, я думаю, он получил бы немалое удовольствие. Вряд ли на земле бывает что-нибудь более нелепое, чем мое лицо, моя фигура и та поза, в которой я нахожусь в это время. Потом я начинаю шевелить босыми пальцами, развожу в сторону руки и делаю другие манипуляции. На полу под батареей лежат гантели, которые я купил в прошлом году. Они покрыты толстым слоем пыли и кажутся большими, чем на самом деле. Я давно уже ими не пользуюсь, и то, что они покрылись пылью, меня несколько оправдывает – не хочется пачкать руки. А когда-то я умел и заниматься гимнастикой, и выбегать на улицу при скатке, автомате и всей другой амуниции через три минуты после подъема. Старшина Шулдыков, который первым учил меня этому, говорил, бывало: «Вы у меня и на гражданке будете за три минуты вскакивать. Я вас этому научу. Это моя цель жизни».

Если другой цели у него не было, можно считать, что жизнь старшины Шулдыкова прошла совершенно бесследно.

Размышляя об этом, я провожу рукой по щеке и обнаруживаю, что мне не мешало бы побриться. Щетина лезет из меня с поразительной быстротой. Тот, кто видит меня вечером, ни за что не может поверить, что утром я был выбрит до блеска. Бриться я начал лет с шестнадцати, и еще в школе меня прозвали «волосатый человек Андриан».

Электрическая бритва «Нева» жужжит так сильно, что пенсионер Иван Адамович Шишкин просыпается за стеной и начинает деликатно покашливать, намекая на то, что хулиганить в моем возрасте стыдно. Помочь ему я ничем не могу и мужественно продолжаю начатое дело, пользуясь при этом небольшим круглым зеркалом в железной оправе. Откровенно говоря, зеркало приносит мне мало радости. Из него на меня смотрит человек отчасти рыжий, отчасти плешивый, более толстый, чем нужно, с большими ушами, поросшими сивым пухом. В детстве мать говорила мне, что такие же большие уши были у Бетховена. Вначале надежда на то, что я смогу стать таким, как Бетховен, меня утешала. В ранней моло-

дости я стыдился своих ушей. Теперь я к ним привык. В конце концов, они не очень мешали мне в жизни.

Побрившись, я иду в ванную, долго и старательно умываюсь водой, холодной настолько, что пальцы краснеют и перестают разгибаться.

Потом надеваю резиновые сапоги, свитер, пиджак, прорезиненный плащ, лохматую кепку и выхожу на лестницу. Из почтового ящика, который висит на дверях, вынимаю письмо. Это письмо от матери. Я его прочту на работе.

2

На дворе начало октября. Небо сплошь затянуто тучами. Рассвет еще не наступил и, кажется, никогда не наступит. Трудно поверить, что солнечные лучи могут пробиться сквозь эту непроницаемую серость.

А город уже живет. Тысячи людей, подняв воротники или раскрыв зонтики, бегут по улице, осаждают сверкающие от дождя автобусы, ныряют в проходную табачной фабрики. Посмотришь на них – и страшно становится: откуда столько народу?

Большая толпа стекается к переходу, готовая ринуться в первый же просвет между потоками автомобилей, которым, кажется, тоже нету конца. В этой толпе я пересекаю широкую улицу и попадаю в большой полустеклянный, полуметаллический колпак – кафетерий, или попросту забегаловку. Внутри забегаловки буфетная стойка, несколько высоких столиков на железных ногах. Цементный пол усыпан толстым слоем серых опилок.

Длинная очередь тянется вдоль буфета. Люди топчутся, ежатся, потирают руки. От намокших плащей и пальто поднимается пар.

За стойкой возвышается Зоя – высокая девушка с гладкой прической. Она бросает мелочь в пластмассовую тарелку, выдает сдачу, бойко орудует блестящими рычагами кофейного агрегата. Может быть, ей кажется, что она стоит у пульта управления атомным кораблем.

Увидев меня, Зоя радостно улыбается, открывая красивые ровные зубы. Едва ли я нравлюсь ей. Ее улыбка объясняется более просто – я ее постоянный клиент.

– Вам – как всегда? – спрашивает Зоя.

– Как всегда, – говорю я.

В обмен на протянутый ей полтинник она выдает мне сосиски с капустой, кофе с молоком и булочку с маком. Очередь шумит и волнуется, но Зоя успокаивает ее:

– Это наш работник. – И улыбается.

Может быть, я ей действительно нравлюсь. В этом нет для меня ничего неожиданного, я нравлюсь многим женщинам, потому что я высокий и сильный, хорошо зарабатываю и не злоупотребляю спиртными напитками.

3

Недалеко от последней остановки автобуса начинается большое пространство, разгороженное дощатыми заборами. Это наши местные Черемушки.

На одном из заборов висит большой фанерный щит с надписью: «СУ-1. Строительство ведет прораб т. Самохин».

А рядом афиша:

«Поет Гелена Великанова».

Тов. Самохин – это я. Гелена Великанова никакого отношения ко мне не имеет, просто рекламбюро решило использовать свободную полезную площадь.

Гастроли певицы кончились, вчера она уехала из нашего города. Скоро афишу снимут. Щит с моей фамилией тоже исчезнет. Дом, который я строю, почти готов к сдаче. Вот он стоит за забором пока что пустой, с потемневшими от дождя стенами из силикатного кирпича.

Неподвижный башенный кран тянет шею в мутное осеннее небо. Кран мне уже не нужен, надо будет вызвать из треста «Строймеханизация» монтажников, пускай его разберут.

В правом крыле здания на одной из дверей первого этажа четвертой секции висит бумажная табличка: «Прорабская». Здесь я обычно и нахожусь ежедневно с половины восьмого до пяти. Довольно часто меня здесь можно найти и в десять, и в одиннадцать, и в двенадцать ночи, потому что рабочий день у меня не нормирован.

В прорабской накурено – дым коромыслом. Свет лампочки едва пробивается сквозь плотные слои дыма. Рабочие, собравшиеся здесь, разместились кто на табуретках, кто на длинной скамейке, кто просто на корточках вдоль стен и у железной печки. Звено штукатуров Бабаева в полном составе лежит на полу.

– Хотя бы форточку открыли, – ворчу я, пробираясь к столу, стоящему у окна.

Никто не обращает на меня никакого внимания, я открываю форточку сам. Дым постепенно рассеивается. С улицы тянет сыростью.

До начала работы еще полчаса, каждый проводит их как умеет. Бригадир Шилов сидит на ящике из-под гвоздей и сушит у печки портянки. Бабаев листает книгу, готовясь к занятиям в университете культуры, подсобница Катя Желобанова рассказывает своей подруге Люсе Маркиной, что летом на пляже видела артиста Рощина и что он, оказывается, лысый, а когда поет по телевизору, наверное, надевает парик.

У окна стоит Дерюшев – толстый рыхлый увалень в армейском бушлате. Сопя от натуги, он пытается согнуть железный ломик, вставленный одним концом в щель между ребрами батареи парового отопления. Рядом с ним паркетчик Шмаков, прозванный Писателем за то, что зимой ходит без шапки.

– Давай-давай, – подзадоривает он Дерюшева. – Главное – упирайся ногами.

– Ты что делаешь? – спрашиваю я Дерюшева.

Дерюшев вздрагивает и застенчиво улыбается.

– Да ничего, Евгений Иванович, балуемся просто.

– Эх, Дерюшев, Дерюшев, – сокрушенно вздыхает Писатель, – с такой будкой не можешь ломик согнуть. Придется, видно, тебя к Новому году на сало зарезать. Вот Евгений Иванович запросто согнет, – подзадоривает он меня.

Он обращается ко мне слишком фамильярно, мне хочется его одернуть, но я думаю: «А почему бы, в самом деле, не попробовать свои силы? Есть еще чем похвастаться».

– А ну-ка дай.

Я беру у Дерюшева ломик, кладу на шею и концы его тяну книзу. Чувствую, как гудит в ушах и как жилы на шее наливаются кровью.

Согнутый в дугу ломик я бережно кладу на пол. И не могу удержаться, чтобы не спросить:

– Может, кто разогнет?

– Вот это сила, – завистливо вздыхает Дерюшев и незаметно пробует свои рыхлые мускулы.

Катя Желобанова смотрит на меня с нескрываемым восхищением. Артист Роцин вряд ли согнул бы ломик на шее.

А я задыхаюсь. Сердце колотится так, словно я пробежал десяток километров. Что-то со мной происходит в последнее время. Чтобы скрыть одышку, сажусь за стол, делаю вид, что роюсь в бумагах.

Писатель продолжает донимать Дерюшева.

– Вот, Дерюшев, – говорит он, – кабы тебе такую силу, ты б чего делал? Небось в цирк пошел бы. Скажи, пошел бы?

– А чего, – задумчиво отвечает Дерюшев, – может, и пошел бы!

– А я думаю, тебе и так можно идти. Тебя народу за деньги будут казать. Каждому интересно на такую свинью поглядеть, хотя и за деньги.

Писатель смеется и обводит глазами других, как бы приглашая посмеяться с ним вместе. Но его никто не поддерживает, кроме Люси Маркиной, которая влюблена в Писателя и не скрывает этого.

– Шмаков, – говорю я Писателю, – в третьей секции ты полы настилал?

– Ну я. А что? – он смотрит на меня со свойственной ему наглостью.

– А то, – говорю я. – Паркет совсем разошелся.

– Ничего, сойдется. Перед сдачей водичкой польем – сойдется.

– Шмаков, – задаю я ему патетический вопрос, – у тебя рабочая гордость есть? Неужели тебе никогда не хочется сделать свою работу по-настоящему?

– Мы люди темные, – говорит он, – нам нужны гроши да харчи хороши.

Он говорит и ничего не боится. Уговоры на него не действуют, угрожать ему нечем. На стройке каждого человека берегут как зеницу ока. Да и не очень-то берегают. Приходят к нам демобилизованные да те, кто недавно из деревни. Придут, поработают, пообсморются и сматываются – кто на завод, кто на фабрику. Там и заработки больше, и работа в тепле.

Вот сидит перед печкой Матвей Шилов. Он разулся и сушит портянки и думает кто его знает о чем. Может быть, сочиняет в уме заявление на расчет. Но такие, как Шилов, уходят редко. На стройке он уже лет двенадцать. И он привык, и к нему привыкли.

Я смотрю на часы: стрелки подходят к восьми.

– Все в сборе? – спрашиваю у Шилова.

Он медленно поворачивает голову ко мне, потом так же медленно обводит взглядом присутствующих.

– Кажись, все.

– Кончайте перекур, приступайте к работе.

– Щас пойдем, – нехотя отвечает Шилов и начинает наматывать портянки. Обувшись, встает, топает сначала одной ногой, потом другой и только после этого достает из-за печки молоток, протягивает его Писателю: – Пойди вдарь.

Тот послушно выходит и ударяет. Вагонный буфер, подвешенный на проволоке к столбу электроосвещения гудит, как церковный колокол, возвещая начало рабочего дня. Все постепенно выходят.

4

«Дорогой сыночек!

Вот уже две недели от тебя нет никаких известий, и я просто не знаю, что и подумать. До каких пор ты будешь меня мучить? Вчера мне приснилось, что ты идешь босиком по снегу. Я снам не верю, но, когда дело касается тебя, невольно начинаю волноваться. В голову приходят такие страшные мысли, что даже боязно о них говорить. Все думается, уж не заболел ли ты или, не дай бог, не попал ли под машину...»

Это пишет моя мама, бывшая учительница, ныне пенсионерка. Она и раньше любила получать письма, а теперь тем более.

А что я буду писать? Каждый день одно и то же. Без четверти семь – подъем. В восемь – начало работы. С двенадцати до часу – перерыв. В пять – конец рабочего дня. В полшестого – совещание у начальника СУ. Что касается попадания под машину, то об этом сообщил бы отдел кадров или ОРУД: им за это деньги платят.

«...У меня ничего нового, если не считать того, что позавчера на собрании актива меня избрали председателем домового комитета. Ты, конечно, относишься к таким вещам скептически, а мне это было очень приятно.

На днях случайно встретила на улице Владика Тугаринова. Приехал в отпуск с женой. Он теперь стал такой важный. Недавно его назначили начальником какого-то крупного строительства в Сибири. Спрашивал о тебе. Взял адрес, обещал написать».

За всем этим, как говорят, есть свой подтекст: Владик не способнее меня, во всяком случае, по математике успевал много хуже, а теперь он большой начальник. Я бы тоже мог высидеть себе приличную должность, если бы не мотался с места на место.

Мама не учитывает только того обстоятельства, что Владик получил диплом (а в институт мы с ним поступали вместе) в сорок четвертом году, когда я валялся в борисоглебском госпитале. Конечно, Владик не виноват, что его не взяли на фронт: у него еще в десятом классе была близорукость минус восемь. Но и я не виноват, что был только студентом-практикантом в то время, когда Владик был уже начальником ПТО.

После института я, конечно, мог бы сидеть на одном месте. Но я работал на Сахалине, в Якутии, на Печорстрое и даже на целине – строил саманные домики. Кто знает, может, я и здесь продержусь недолго?

5

В это время раздается телефонный звонок. Мне звонят много раз, и это обычно не вызывает во мне особых эмоций. Но сейчас каким-то чутьем я угадываю, что разговор кончится неприятностью. У меня нет никаких оснований так думать, просто я это чувствую. Поэтому я не снимаю трубку. Пусть звонит – посмотрим, у кого больше выдержки. Я закурываю, выдвигаю ящик стола, просматриваю наряды. У того, кто звонит, выдержки больше. Я снимаю трубку и слышу голос Силаева – начальника нашего стройуправления.

– Самохин, ты что ж это к телефону не подходишь?

– По объекту ходил. Не знал, что вы звоните.

– Знать надо. Должен чувствовать, когда начальство звонит.

– Это я чувствую, – говорю я, – только не сразу. Немного погодя.

– В том-то и дело. Научись чувствовать вовремя – большим человеком будешь.

Что-то он сегодня больно игрив. Не люблю, когда начальство веселится не в меру.

– Слушай, Самохин, – переходит на серьезный тон начальник, – ты бы зашел, поговорить надо.

– О чем?

– Узнаешь. Не телефонный разговор.

– Хорошо. Сейчас обойду объект...

– Ну давай, на одной ноге.

Как же, разбежался. Я выхожу из прорабской, поднимаюсь на четвертый этаж. На лестничной площадке стоит Шилов, водит вдоль стены краскопультом. Голубая струя со свистом вырывается из бронзовой трубки, краска ровным слоем покрывает штукатурку. Сам Шилов тоже весь в краске – шапка, ватник и сапоги.

– Ну что, Шилов, – спросил я, – портянки высушил?

– Высушу на ногах.

– А почему краска густо идет?

– Олифы нет, разводить нечем. Будет олифа?

– Будет, – сказал я, – если Богдашкин даст.

– Значит, не будет, – скептически заметил Шилов. – Богдашкин не даст.

– Ничего, с божьей помощью достанем.

– Наверяд. – Шилов сплюнул и посмотрел за окно.

Я зашел в одну из квартир, осмотрелся. В общем, все, кажется, ничего, прилично. Только штукатурка не сохнет и двери разбухли от сырости, не закрываются. Если бы их вовремя проолифить, было бы все иначе.

Зашел на кухню. Смотрю – у батареи, вытянув ноги, сидят Катя Желобанова и Люся Маркина. Разговаривают. О каких-то своих женихах, мороженом, кинофильмах и прочих вещах, не имеющих к их прямым обязанностям никакого отношения. А батарея, между прочим, не топится: воду еще не подключили.

– И вам не холодно? – спрашиваю я. Молчат. – Ну, чего сидите? Нечего делать?

– Перекур с дремотой, – смущенно пошутила Катя и сама засмеялась.

– Не успели начать работу – и уже перекур. Идите в четвертую секцию, там некому кафель носить.

Я говорю это ворчливым и хриплым голосом. Даже самому противно. Но я ничего не могу с собой поделать: вид сидящих без дела людей раздражает меня. Если пришли работать, значит, надо работать, а не прятаться по углам.

Больше всех меня разозлил Дерюшев. Газосварочным аппаратом он варил решетки. Я сразу заметил, что швы у него неровные и слабые. Я толкнул одну решетку – и шов разошелся.

– Ты что же, – сказал я Дерюшеву, – хочешь, чтоб нас с тобой в тюрьму посадили?

Дерюшев погасил пламя и поднял на лоб синие, закапанные металлом очки.

– Флюс, Евгений Иванович, слабый – не держит, – сказал он и улыбнулся, словно сообщал мне приятную новость. – И вообще тут электросваркой надо варить.

– Без тебя знаю, да где ее возьмешь? Все решетки переваришь. Я потом проверю. Флюс хороший достанем.

Все от меня что-нибудь требуют, и всем я что-нибудь обещаю. Одному флюс, другому олифу, третьему брезентовые рукавицы. А как все это достать?

6

Когда-то в детстве от учителя физики я узнал про Джеймса Уатта. Еще маленьким он увидел кипящий чайник, потом вырос, вспомнил про чайник и изобрел паровую машину. Услышав это, я поднял руку и спросил:

– А кто изобрел чайник?

Этот вопрос занимает меня до сих пор. Когда я учился в институте, разные профессора преподавали нам множество сложных наук, которые я за пятнадцать лет успел благополучно забыть. Ни эвклидова геометрия, ни теория относительности негодились мне в жизни, хотя наши профессора считали, что каждый из этих предметов обязательно надо знать будущему строителю. Они много знали, эти профессора, но ни один из них не смог бы решить простейшую задачу – как достать ящик гвоздей, когда их нет на складе или когда у Богдашкина неважное настроение.

Богдашкин – это начальник снабжения нашего стройуправления, человек совершенно бестолковый. Пока у нас был главный инженер, отдел снабжения работал довольно сносно, был хоть какой-то порядок. Теперь главный ушел на пенсию, Богдашкиным никто не руководит, и он совсем распоясался. С утра до вечера ему звонят прорабы, выколачивая разные материалы. Богдашкин вконец запутался в этой неразберихе и решил упростить дело: посылает кому что придется. Тому, кто просил у него алебастр, он шлет электрический шнур, а тому, кто хотел иметь электрический шнур, посылает дверные ручки. Мне он недавно прислал второй газосварочный аппарат. Я долго не знал, что с ним делать, потом обменял его у Лымаря на электромотор для растворомешалки.

Конечно, можно позвонить Богдашкину и спросить у него насчет олифы, но из этого едва ли что выйдет. У него никакой олифы нет, и делай с ним что хочешь, все равно ничего не добьешься. Поменяться бы с кем... Я взял клочок бумаги, сделал раскладку:

Если позвонить Ермошину и обменять у него плиты на оконные блоки, вместо блоков взять у Лымаря кафель, Сидоркин уступит за кафель кровельное железо, после этого позвонить Филимонову... Ничего не выйдет. Я вспомнил, что Филимонов отдал свою олифу Ермошину, не знаю за что. А зачем Ермошину олифа, когда он еще не начинал отделку?

Я смотрю на свою раскладку. Целый стратегический план. И все для того, чтобы достать одну бочку олифы.

7

Явление второе: те же и Сидоркин. Он открывает дверь и вваливается в прорабскую во всем своем великолепии – длинный, тощий, в зеленой помятой шляпе, потрепанном синем плаще и брюках неимоверной ширины. Желтые ботинки до щиколоток залеплены грязью. И в таких ботинках Сидоркин прется прямо к столу.

– Хоть бы ноги вытер, – говорю я ему. – Все-таки в приличный домходишь.

– В приличных домах персидские ковры стелют под ноги. – Он садится на стул, стаскивает с себя один ботинок, вытягивает ногу. – Совсем промокли носки.

– Не можешь резиновые сапоги купить? Жмешься все.

– Не жмусь, – ворчит Сидоркин и жмурится. – Ревматизм у меня от этих сапог. В Карелии все в них шлепал.

Он вытаскивает из моей пачки сигарету, закуривает, достает из кармана колоду потрепанных карт, лениво перекладывает их.

– Сыграем?

– На что?

– На мешок цемента.

– Не выйдет. Ты передергиваешь.

– Ну давай тогда в веревочку, – он достает из кармана веревочку, складывает ее двумя кольцами, приговаривая: – Трах-бах-тарарах, приехал черт на волах, на зеленом венике из своей Америки. Кручу-верчу, за это деньги плачу. Сюда поставишь – выиграешь, сюда поставишь – проиграешь. Замечай глазами, получай деньгами. Куда ставишь?

– Знаешь, Сидоркин, – говорю я, – давай я тебе подарю мешок цемента с дарственной надписью, и после этого ты сделаешь так, чтобы я тебя больше не видел.

– Ну что ты, – великодушно возражает Сидоркин, – я не могу тебя лишиться такого удовольствия за какой-то мешок цемента. Если ты мне подаришь парочку, пожалуй, подумаю.

До чего же нахальный тип! Пока он снова натягивает свой грязный ботинок, я набираю номер Богдашкина. Там снимают трубку.

– Богдашкин? – спрашиваю я.

– Нет его, – меняя голос, отвечает Богдашкин и вешает трубку.

– Сволочь, – говорю я и смотрю на Сидоркина.

Сидоркин смотрит на меня.

– Опять шутит? – спрашивает он участливо. – Но не волнуйся. Мы с ним тоже пошутим.

Он подвигает к себе аппарат и набирает номер. Талантливый человек Сидоркин! Выбери он вовремя артистическую карьеру, цены б ему не было.

– Алло, это Дима? – говорит он грудным женским голосом.

Богдашкина я не вижу, но хорошо представляю себе, как его одутловатое лицо расплывается в сладчайшей улыбке. Старый дурак! Ему уже скоро на пенсию, а он все еще охотится за молодыми девушками. Ни годы, ни алименты, на которые уходит половина зарплаты, не могут заставить его образумиться.

– Здравствуй, Дима, – ласково щебечет Сидоркин. – Это твоя маленькая Пусенька. Я уже сказала папе о нашем решении, папа хочет с тобой поговорить. Передаю папе трубку.

Я беру трубку, злорадствую:

– Ну что, попался?

В трубке слышно тяжелое сопение – Богдашкин думает.

– Кто это? – наконец спрашивает он.

– Это папа твоей маленькой Пусеньки, – продолжаю я начатую Сидоркиным игру.

– Чего надо-то? – Богдашкин меня уже узнал, голос у него недовольный.

– Ничего особенного. Бочку олифы.

– Олифы? – Богдашкин воспринимает это как личное оскорбление. – Вы ее с хлебом, что ли, едите? Я тебе на прошлой неделе отправил две бочки. Больше нет.

– Может, все-таки найдешь? – прошу я без всякой надежды.

– Как же, найдешь, – сердится Богдашкин. – Одному одно найди, другому другое. И все к Богдашкину. Этому нужен Богдашкин и этому Богдашкин, а Богдашкин всего один во всем управлении.

В конце концов я выхожу из себя и говорю ему несколько слов на родном языке. Богдашкин не обижается, ему все говорят примерно то же самое.

– Будет ругаться-то, – ворчит он довольно миролюбиво. – Высшее образование имеешь, а такие слова говоришь. Алебастру немного могу дать, если хочешь.

Можно послать его еще куда-нибудь, но за это денег не платят. А алебастр – это все-таки нечто вещественное. Для обмена на что-нибудь он тоже годится.

– Черт с тобой, – соглашаюсь я, – давай алебастр, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Пока я говорил с Богдашкиным, Сидоркин сидел и терпеливо ждал. Теперь поднялся.

– Значит, я беру три мешка?

– Совсем обнаглел, – говорю я. – Сначала один просил, потом два, теперь тебе и двух мало.

– Мало, – сказал Сидоркин. – Один по дружбе, один, чтоб ты меня больше не видел, один за Богдашкина. Законно?

– Ладно, – сказал я, – бери четыре мешка и проваливай.

– Бусделано, – сказал Сидоркин, подражая Аркадию Райкину. – Сейчас я подошлю машину.

Я тоже собрался выходить вместе с Сидоркиным, но в это время появился Ермошин, который приехал на самосвале. Он долго стоял на подножке, потом нерешительно поставил ногу на лежащую в грязи узкую доску и пошел по ней, словно канатоходец. Я и Сидоркин с интересом следили за ним, надеясь, что он поскользнется. Но он благополучно одолел одну доску, перешел на другую и явился перед нами чистенький, словно его перенесли по воздуху. Усы, бакенбарды и шляпа придают его лицу умное выражение.

– Слышал новость? – обратился Ермошин к Сидоркину. – Его назначают главным инженером, – он кивнул в мою сторону.

Это было неожиданностью не только для Сидоркина, но и для меня самого. Правда, слухи о моем назначении давно ходили по тресту, но слухи оставались слухами, никакого подтверждения им не было, если не считать двух-трех намеков, слышанных мной от Силаева.

– Брось, – недоверчиво сказал Сидоркин. – Что, управляющий утвердил?

– Пока не утвердил, но затребовал проект приказа. Я только что от Силаева, сам слышал весь разговор по телефону.

– За что бы это ему такая честь? – Сидоркин критически оглядел меня. – Толстый, рыжий и в лице ничего благородного. А тебя что ж, обошли, выходит?

– Я на профсоюзную работу перехожу, – важно сказал Ермошин. – Романенко увольняется, я на его место.

– Ну и валяй, – сказал Сидоркин и, поднявшись, обратился ко мне: – Значит, ты мне даешь гипсолитовые плиты?

– Какие плиты? – удивился я.

– Ну как же. Только что ведь мы договорились: ты даешь мне плиты, я тебе бочку олифы. Или ты на радостях ничего не помнишь?

Сидоркин мне усиленно подмигивал, и я понял, что он хочет разыграть Ермошина.

– Нет, – сказал я, – за одну бочку не отдам.

– Это вы о чем? – с деланным равнодушием поинтересовался Ермошин.

– Да так, пустяки, – пояснил я, – тут у меня заваливались гипсолитовые плиты, сотни полторы. Он хочет взять у меня за бочку олифы.

Клюнет или не клюнет? Но куда же он денется? Приманка слишком аппетитно пахнет. Сто пятьдесят гипсолитовых плит! Попробуй-ка вырвать их у Богдашкина.

– Я тебе могу дать полторы бочки, – наконец говорит он, стараясь не смотреть на Сидоркина.

– Да тебе зачем? – говорит Сидоркин. – Ты ведь уже перегородки поставил. Вчера докладывал на летучке.

– Мало ли чего я докладывал, – отмахивается Ермошин и снова поворачивается ко мне: – Ну, берешь полторы бочки?

– Смеешься, что ли? Сто пятьдесят плит за полторы бочки олифы. Помажь ею себе волосы.

– Но у меня больше нет.

– Иди к Богдашкину. Может, он даст тебе сто пятьдесят плит.

– Ну, хорошо, – решает Ермошин. – Бери две бочки – и по рукам.

– Мало. Вези свои бочки Богдашкину.

Я неумолим, хотя знаю, что олифы у него в самом деле больше нет. Но ведь есть на свете и другие не менее ценные вещи. В конце концов мы сходимся на том, что Ермошин дает мне еще десять пачек паркета и немного флюса для газосварки.

Мы оба довольны сделкой: он думает, что ловко обвел меня вокруг пальца, я думаю то же самое о нем, и оба по-своему правы. И он, и я выжали друг из друга все, что было возможно, направив на это всю свою энергию и все свои умственные способности. Все было бы гораздо проще, если бы Богдашкин дал каждому из нас что нам полагается.

Только ушел Ермошин – зазвонил телефон. Я подумал, что это опять Силаев, и попросил Сидоркина взять трубку.

– Если Силаев, меня нет.

Сидоркин снял трубку:

– Алло. Одну минуточку. Главный инженер Самохин занят, но я попробую вас соединить... Она, – сказал Сидоркин, передавая мне трубку, и прикрыл глаза от нахлынувшего на него счастья.

В трубке я услышал голос Клавды:

– Это ты?

– Это я.

– Я тебе звоню просто так – поболтать.

– Ты нашла для этого самое подходящее время, – вежливо сказал я.

– Не сердись. Ты когда появишься? Я вчера ждала тебя весь вечер, потом пошла на «Иваново детство». Ты не видел?

– Нет.

Чего доброго, она мне сейчас начнет пересказывать содержание фильма.

– Возможно, я сегодня зайду, – сказал я.

– Правда?

– Может быть, – уточнил я. – А сейчас, извини, я тороплюсь.

Из прорабской мы вышли с Сидоркиным вместе.

Дождь моросил по-прежнему.

– Значит, я подошлю машину и возьму пять мешков, – сказал Сидоркин, поднимая воротник плаща.

– Десять, – сказал я. – Возьми десять. Ты заслужил их сегодня.

8

Когда я вошел, Силаев сидел за столом один и разбирал настольную лампу. Когда-то давным-давно он работал на заводе слесарем, очень любил вспоминать об этом и любил ремонтировать разную технику. Ничем хорошим это обычно не кончалось, и потом приходилось вызывать монтеров или лифтеров – в зависимости от того, что именно брался ремонтировать начальник.

– Что ж так поздно? Курьеров за тобой посылать, – недовольно проворчал Силаев и, не дожидаясь ответа, кивнул на кресло, стоявшее у стола: – Садись.

Я в кресло садиться не стал – оно слишком мягкое. В нем утопаешь так глубоко, что даже при моем росте я едва достаю подбородком до крышки стола. Может быть, такие кресла делают нарочно для посетителей, чтобы, сидя в них, посетители в полной мере ощущали свое ничтожество. Я взял от стены стул и придвинул его к столу.

– Как жизнь? – спросил начальник, снимая с лампы матовый абажур.

– Спасибо, – сказал я, – течет потихоньку.

– Как здоровье жены? – Силаев вынул из лампы кнопочный выключатель и ковырял в нем отверткой.

– Спасибо, здорова, – мне уже надоело говорить ему, что я не женат.

– Ну хорошо, – сказал начальник и положил отвертку на стол. – Ты, конечно, знаешь, зачем я тебя вызвал?

После разговора с Ермошиным я догадывался, но на всякий случай сказал, что не знаю.

– Тем лучше, – сказал Силаев, – пусть это будет для тебя сюрпризом.

Он нажал кнопку звонка, и почти в то же мгновение в дверях появилась секретарша Люся, очень красивая девушка, только ресницы подведены слишком густо.

– Люсенька, принесите, пожалуйста, проект приказа на Самохина, – глядя на нее, попросил Силаев.

Люся исчезла так же бесшумно, как и появилась. Силаев посмотрел на закрывшуюся за ней дверь и почему-то вздохнул.

– Как у тебя дела? – спросил он, помолчав. – Что-то я давно на твоём участке не был. По плану у тебя когда сдача объекта?

– К Новому году.

– А по обязательствам?

– К первому декабря.

Это все он знал не хуже меня, и я подумал, что он задает вопросы, лишь бы поддержать разговор. Начальник посмотрел на меня и сказал, помедлив:

– Так вот. Сдашь его к празднику.

– Неготовый? – спросил я.

– Зачем же неготовый? Подготовишь и сдашь.

В дверях снова появилась Люся. Постукивая тонкими каблучками, она прошла к столу, положила перед Силаевым лист бумаги.

– Все? – спросила она, усмехаясь, как всегда, когда говорила с начальством.

– Нет, не все, – строго сказал Силаев. – Объявите по участкам, что сегодня в семнадцать тридцать состоится производственное совещание. Нет, объявите, что ровно в семнадцать. Все равно меньше чем за полчаса их не соберешь.

Люся стояла, выжидательно опустив ресницы.

– Можно идти? – спросила она.

– Когда я скажу, тогда пойдете, – рассердился начальник. Видимо, он был не в духе и искал, к чему бы придраться. – Что вы стоите как вкопанная и хлопаете своими ресницами? Вы что, меня соблазняете, что ли?

– Вас – нет, – тихо сказала Люся.

Ее ответ совсем вывел начальника из себя.

– Я вот возьму мокрую тряпку, – сказал он, – и вымою вам эти ваши ресницы.

– Не имеете права.

– На вас у меня хватит прав. Я вам в отцы гожусь.

– У меня есть свой папа, – напомнила Люся.

– Ну и очень плохо, – сказал Силаев, но тут же поправился: – То есть плохо то, что ваш папа не следит за вами. Идите.

Люся повернулась и простучала каблучками по направлению к двери. Во время этого разговора она ни разу не изменила тона, ни один мускул на ее лице не дрогнул.

Я понял, что у Силаева какая-то неприятность. Всегда в таких случаях он срывает злость на своей секретарше, которая эти припадки терпеливо выносит. Может, он за это и держит ее.

– Черт знает что, – проворчал он, когда дверь за Люсей закрылась. – Дура.

Он раскрыл пачку «Казбека» и, закуривая, молча подвинул ко мне бумагу, которую принесла Люся. Это был тот самый проект приказа, в котором говорилось, что я назначаюсь главным инженером.

– Прочел? – спросил Силаев. – Дела примешь после сдачи объекта.

– Значит, в декабре, – сказал я.

– Раньше, – сказал Силаев. – Объект сдашь до праздника, а после праздника примешь дела. Можешь считать это приказом, который нужно выполнять.

– Приказы, Глеб Николаевич, должны быть разумные, – сказал я. – Вы ведь знаете, что у меня еще штукатурные работы не закончены и малярные. И паркет еще надо стелить.

– Все сделаешь.

– Но ведь даже штукатурка не высохнет.

– Меня это не касается. Дом должен быть сдан. Ты думаешь – это моя прихоть? Мне приказано оттуда, – он раздавил окурок о край пепельницы и показал на потолок. – В райкоме решили, что надо сделать подарок комсомольским семьям. Праздник, барабаны, вручение ключей. А ты должен радоваться, что тебе дают идею.

– Я бы радовался, – сказал я, – если бы эту идею можно было обменять на бочку олифы. Хороший будет подарок. Сейчас сдадим, а через месяц в капитальный ремонт. А что, если я не сдам все-таки дом?

– Не сдашь? – Силаев посмотрел мне в глаза. – Тогда все меры. Вплоть до увольнения. Так что выбирай. Или сдача объекта вовремя и все остальное. Или... Выбирай. – Он встал и протянул мне руку: – Извини, мне пора к управляющему.

9

Я неудачник. Во всяком случае, так считает моя мама. Я неудачник, потому что не стал ни ученым, ни большим начальником. Я все еще только старший прораб. Старший прораб применительно к армейским званиям что-то вроде старшего лейтенанта. Если к сорока годам ты не шагнул выше этого чина, маршальский жезл из своего рюкзака можешь выбросить.

Мне уже сорок два. В сорок два года мне предлагают должность главного инженера, хотя могли это сделать гораздо раньше. Пятнадцать лет прошло с тех пор, как я окончил строительный институт, почти все пятнадцать я работаю в одной и той же должности – старшим прорабом. За это время я полысел и обрюзг, стал нервным и раздражительным.

Моя работа ничем не лучше, но и не хуже других. Мое это призвание или не мое, я до сих пор не знаю и, если признаться, мало интересуюсь этим. Призвание проверяется в деле, где нужны какие-то особые способности. Прорабу излишние способности ни к чему – ему достаточно умения доставать материалы, читать чертежи и вовремя закрывать рабочим наряды. Я не могу, скажем, сделать дом лучшим, чем он должен быть по проекту.

Но иногда меня заставляют делать хуже, чем я могу, и это мне не нравится. Когда я возражаю, это не нравится начальству. Из двух мест я уже ушел «по собственному желанию». Можно бы уйти и отсюда – на этом городе свет клином не сошелся, – но мне уже надоело скитаться. Надоело жить в палатках и вагончиках или снимать койку в «частном секторе». Когда тебе уже за сорок, хочется пожить нормальной человеческой жизнью, иметь свой угол, может быть, свою семью.

У меня дома на тумбочке под стеклом стоит фотография девушки лет восемнадцати. Удлиненное лицо, большие темные глаза, темные косы, аккуратно уложенные вокруг головы. Это Роза. Я с ней познакомился в Киеве в начале сорок первого года, когда приезжал на зимние каникулы. Она училась в десятом классе (подумать только, сейчас у меня могла бы быть такая дочь!) и собиралась поступать в пединститут на исторический факультет.

Когда немцы подошли к Киеву, она почему-то не уехала и теперь лежит, наверное, в Бабьем Яру. Она была молода и красива – это видно по фотографии. Но она была еще и умна, и добра. Она была необыкновенно чуткой и нежной. Впрочем, может быть, я уже не помню, какой именно была Роза, и в моей памяти живет только образ, нарисованный мной самим? Но с тех пор я не встречал женщины, которая хоть сколько-нибудь напоминала бы этот образ. Может быть, поэтому я до сих пор не женат.

10

Ровно в половине шестого мы, прорабы, один за другим входим в кабинет Силаева. Занимаем места за длинным столом, стоящим перпендикулярно к столу начальника. Пока рассаживаемся, Силаев, склонившись над бумагами, что-то пишет и не обращает на нас никакого внимания.

Совещание только начинается, времени впереди много, и каждый старается провести его с большей пользой. Лымарь вытащил из-за пазухи книжку «Атом на службе человеку», Сабидзе положил перед собой лист бумаги и уже кого-то рисует. Тихон Генералов, многодетный угрюмый человек, сидит слева от меня и составляет план воспитательной работы среди собственных детей:

«План

1. Иван – применить телесное наказание (ремень).
2. Наташа – поставить в угол на 30 мин. за сломанный телевизор.
3. Алла+Люба – купить билеты в кукольный театр.
4. Сергей – проверить дневник.
5. Поговорить с женой насчет грязного белья (можно отнести в прачечную)».

Справа от меня садится Васька Сидоркин. Он достает из кармана маленькие дорожные шахматы с дырочками в доске для фигур.

– Сыграем?

– Давай.

Сидоркин ставит доску на края стульев между мной и собой так, чтобы не видно было из-за стола. Начальник поднимает голову:

– Все собрались?

– Почти, – отвечает Ермошин, который всегда садится ближе всех к начальнику.

– Начнем, пожалуй.

Начальник придвигает к себе папиросы. Все тоже достают папиросы, а Сидоркин, у которого их никогда не бывает, тянется к моей пачке. Через пять минут в кабинете все померкнет от дыма, но пока что довольно светло.

– Кто первый будет докладывать? – спрашивает начальник. – Ермошин?

Ермошин как самый бойкий докладывает всегда первым. Он встает, приосанивается, поправляет галстук.

– На сегодняшний день на вверенном мне участке...

Начальник от удовольствия закрывает глаза. К тому, что говорит Ермошин, он испытывает не практический, а чисто литературный интерес: речь Ермошина льется гладко и плавно, словно он читает газетную заметку под рубрикой «Рапорты с мест».

– Коллектив участка, – привычно тарабанит Ермошин, – включившись в соревнование за достойную встречу сорок четвертой годовщины Октября...

– Сорок третьей, – с места хрипит Сидоркин.

Ермошин озадаченно умолкает, медленно шевелит губами, подсчитывая. Начальник растерянно смотрит то на Сидоркина, то на Ермошина и тоже подсчитывает. Первым подсчитал Ермошин.

– ...за достойную встречу сорок четвертой годовщины Великого Октября, – продолжает он твердо и бросает презрительный взгляд на Сидоркина.

- Погоди, – перебивает его Силаев. – Сидоркин, вы там опять в шахматы режетесь?
- Никак нет! – рявкает Сидоркин и нагло ест начальство глазами.
- Смотрите у меня.
- Слушаюсь! – ревет Сидоркин и незаметно передвигает фигуру.

После Ермошина выступают другие. Все подробно перечисляют успехи и вскользь упоминают о недостатках. Как водится, ругают начальника снабжения Богдашкина. Богдашкин сидит за отдельным столиком возле стены и невозмутимо заносит все замечания в толстую общую тетрадь в коленкоровом переплете. Так он делает каждый раз на всех совещаниях, планерках и летучках. Если бы издать отдельно все записи Богдашкина, получилось бы довольно объемистое собрание сочинений.

Наконец очередь доходит до Сидоркина. Он впопыхах делает не тот ход, что нужно, и встает.

– Ну, у меня, значит, полный порядок, – говорит Сидоркин, подтягивая штаны. – Только вот Богдашкин радиаторы не дает. Богдашкин, запиши.

Богдашкин покорно записывает.

Начальник терпеливо ждет, потом поворачивает голову в мою сторону.

Последним выступаю я.

Меня уже никто не слушает, всем надоело, все хотят по домам. Сидоркин нехотя собирает шахматы. Сабидзе сломал карандаш и сидит скучает.

Начальник ковыряется отверткой в замке стола. Он ждет окончания моего доклада только для того, чтобы спросить:

– Ну как, сдадим к празднику объект?

– Вряд ли.

– Опять заладил свое. Товарищи прорабы, к празднику объект Самохина должен быть сдан. Если сдадим, годовой план по управлению будет в основном выполнен. Поэтому предлагаю каждому со своего участка направить завтра же в помощь Самохину по три человека. Богдашкин, при распределении стройматериалов завтра в первую очередь учитывайте нужды Самохина. Вопросы есть?

– Есть, – сказал Ермошин.

– Твой вопрос решен, – сказал начальник, – в отпуск пойдешь зимой. На этом совещание считаю закрытым. Будьте здоровы, товарищи.

11

Около восьми часов мы выходим на улицу. Дождь перестал, но, видимо, ненадолго, сырой ветер забирается под плащ и пронизывает насквозь тело. Сидоркин поднял воротник и придерживает его рукой, защищая от ветра больное ухо.

Кто-то предложил «раздавить бутылку» – возражений особых не было. Взяли в магазине три поллитровки, пошли в столовую ткацкой фабрики, которая хороша тем, что в ней всегда есть жигулевское пиво, и тем, что в ней можно сидеть, не раздеваясь.

Пока мы носили пиво и котлеты с макаронами, Сидоркин под столом разлил водку в стаканы и покрасил пивом. Сделал он это быстро и незаметно.

Подошла уборщица Маруся и, посмотрев на нас, покачала укоризненно головой:

– Ой, мальчики, опять водку принесли. Тут дружинники ходят, полчаса как двоих забрали.

– Ничего, Маруся, – сказал Сидоркин, – не бойся, нас не заберут. – Он положил на угол стола полтинник.

Маруся смахнула монетку тряпкой в ладонь и, успокоившись, отошла. Теперь она не боялась дружинников.

– Выпьем за дружбу, – сказал Ермошин. – За то, чтобы мы всегда оставались друзьями. – И посмотрел на меня.

– Далеко пойдешь, – сказал Сидоркин и выпил свою водку первым.

Мы тоже выпили. Сидоркин разлил по стаканам вторую бутылку и, так же как первую, поставил под стол. Снова выпили. Ермошин, который всегда знал все новости, сказал, что слышал разговор в тресте, будто с нового года переходим на крупноблочное строительство.

– Давно пора, – сказал Филимонов, который пришел к нам всего два месяца назад, прямо из института, и горой стоит за передовые методы. – Вот будет здорово. Что ни месяц, то дом.

– Чего ж хорошего, – сказал Сидоркин. – Вот и будешь бегать с места на место. Для прораба ничего нет хуже, чем бегать с места на место. Скажи, Ермошин.

– Я за прогресс, – сказал Ермошин.

– Ну и валяй, – охотно согласился Сидоркин. – Ну что, еще по капельке? У кого бутылка?

Третья бутылка была у меня, но вытащить ее я не успел: в столовую вошли двое дружинников – один высокий и плечистый, с всепонимающим взглядом, другой маленький и щуплый. У дверей огляделись и направились прямо к нашему столику.

– Ну что, ребята, выпьем жигулевского, – радушно пригласил Сидоркин и наполнил свой стакан пивом.

– В другой раз, – сказал высокий дружинник и, отогнув скатерть, заглянул под стол.

Я замер и посмотрел на Сидоркина. Сидоркин отхлебнул из стакана пива и тоже заглянул под стол. Ермошин вдруг вскочил с места и, сказав, что надо бы принести чаю, не спеша пошел к окну выдачи.

Сидоркин и высокий дружинник разогнулись одновременно и посмотрели друг другу в глаза. Дружинник – удивленно и испытующе, Сидоркин – дружелюбно и доверчиво.

– Да, – сказал высокий дружинник, – извините, пожалуйста.

– Ничего, не стоит, – вежливо сказал Сидоркин, – заходите еще.

– Извините, – повторил высокий дружинник. – Пошли, Олег.

Они уже дошли до дверей, но Сидоркин позвал их:

– Ребята!

Дружинники снова подошли. Ермошин получил свой чай, но, увидев, что дружинники вернулись, остался у окна выдачи и читал приклеенное к стене меню.

– Ребята, – сказал Сидоркин дружинникам, – хотите, покажу фокус?

– Какой фокус? – спросил маленький, и глаза его заблестели от любопытства.

– Ну какой. Обыкновенный, как в цирке, – пообещал Сидоркин. – Только между нами. Идет?

– Идет, – сразу же согласился маленький, и высокий нехотя подтвердил:

– Идет.

– Ну ладно, – сказал Сидоркин, – глядите под стол.

Дружинники посмотрели. Сидоркин поднял ноги. На полу остались две пустые бутылки.

– Видели? – спросил Сидоркин. – Больше не увидите. – И, опустив ноги, снова прикрыл бутылки штанинами.

Дружинники растерянно поглядели друг на друга, не зная, как им вести себя в таком случае, но потом, видимо, вспомнили о своем обещании.

– Ладно, – сказал высокий дружинник, – в другой раз будем знать. До свидания.

Они ушли. Ермошин подождал, пока дверь за ними не закрылась, и вернулся к столу.

– Ну как чаек? – спросил Сидоркин. – Не остыл?

– Остыл, – сказал Ермошин, глядя в сторону. – Вы, ребята, на меня не обижайтесь. Если б что вышло, мне было бы больше всех неудобно.

– Что ж так? – спросил Сидоркин.

– Ну, понимаешь. Я же веду общественную работу. Меня знают. Скажут: «Сам выступаешь на собраниях, и сам же...»

– А ты одно из двух, – сказал Сидоркин, – или не пей, или не выступай. Женька, давай твою бутылку.

Не помню, почему это произошло, но после третьей бутылки мы вдруг стали спорить о честности. Ермошин сказал, что, если говорить откровенно, прораб и честность несовместимы, как гений и злодейство. Можешь играть в честность сколько угодно, но все равно тебе придется выкручиваться, заполнять липовые наряды, составлять липовые процентовки.

– Вот уж на что Самохин, – сказал Ермошин, – а и тот не лучше нас. Приказали ему сдать дом к празднику – и он сдаст его как миленький, в каком бы состоянии этот дом ни был.

Если бы это сказал не Ермошин, а кто-нибудь другой, я, возможно, и промолчал бы. Но здесь я вдруг распалился и стал говорить, что сдам дом тогда, когда он будет полностью готов, и что мне плевать на Силаева и плевать на всех остальных, я поступлю так, как мне подсказывает совесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.